

Дмитрий Дубровин

СЛЕД БОГА

Когда ты
вспомнишь

Дмитрий Дубровин

СЛЕД БОГА: Когда ты вспомнишь

«Автор»

2026

Дубровин Д.

**СЛЕД БОГА: Когда ты вспомнишь / Д. Дубровин — «Автор»,
2026**

Что произойдёт, если Бог устанет быть Богом? Если он добровольно откажется от памяти и силы, станет смертным и отправится проживать человеческие жизни — одну за другой? Чтобы понять собственное творение. Это история, в которой:— древние существа, называющие себя богами, боятся пробуждения настоящего Бога;— человеческая любовь оказывается сильнее предназначения;— судьба мироздания может решаться после чашки кофе, заказа пиццы или разговора с матерью. Что важнее: замысел создателя или свобода созданных им существ? Имеет ли Бог право уничтожить несовершенный мир? Способна ли любовь остановить того, кто однажды уже решил начать всё заново? Книга для тех, кому в фантастике недостаточно только сражений, магии и приключений. Для тех, кто любит тайны, постепенно раскрывающуюся мифологию, живых персонажей и финалы, после которых ещё долго возвращаешься мыслями к прочитанному. Потому что разум способен забыть всё. Но сердце помнит всегда.

© Дубровин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Другой мир.	5
Глава 2: Забытый дом	11
Глава 3: ШаэльТар.	19
Глава 4: Кир'Элина	25
Глава 5: Работа над ошибками	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

СЛЕД БОГА: Когда ты вспомнишь

Глава 1: Другой мир.

Портал схлопнулся за спиной со звуком погасшего бенгальского огня.

Мы с Меираной сделали по инерции еще несколько шагов и остановились. Воздух был другим — влажным, тяжелым, насыщенным запахами, которых в Контере не существовало. Скошенная трава, цветы, что-то едкое и маслянистое, чему я не сразу подобрал название. Бензин. Солнечный свет и яркая зелень ударили в глаза — одно солнце, но какое яркое. Я знал, что это мой город, знал названия улиц за деревьями. Но не помнил, как по ним ходил. Не помнил ни одного лица.

Я ждал. Стоял неподвижно и ждал, что сейчас хлынет: имена, воспоминания, хоть что-нибудь. Ничего.

Меирана стояла рядом, сильно жмурясь и прикрывая глаза рукой.

— Так ярко... Такое все зеленое. Люк, ты рассказывал, но я не думала, что будет так...

Я поддержал ее под локоть.

— Да, тут одно солнце. Яркое. И все растения зеленые, кроме цветов — те бывают разные.

Повезло: в момент прибытия рядом никого не было.

Мы немного постояли, подождали, пока глаза привыкнут. На нас уже начали обращать внимание прохожие, осматривая с ног до головы.

Парень с мопсом на поводке бросил вслед, проходя мимо:

— Классный косплей, чуваки! Как в Ведьмаке, только кроссовки у тебя не в тему.

Меирана посмотрела на меня вопросительно, потом показала на собаку и потянулась к поясу, где обычно висел нож. Я перехватил ее руку.

— Это домашнее животное, не опасно. Видишь, на привязи ведут.

Она опустила руку.

— Что он сказал?

— Ему понравилась наша одежда.

А сам подумал: надо купить нормальную.

Я достал телефон и попробовал включить. На черном экране появилось белое яблоко. Меирана, немного привыкнув к обстановке, присела на корточки и рассматривала аккуратно подстриженную траву, поглаживая ее ладонью. В Контере трава была синей, а здесь — зеленая, яркая.

Телефон на удивление включился, заряд один процент, и тут посыпались сообщения. Десятки.

Я начал листать. Большинство — от человека по имени Рэйчел Коулман. Короткие, деловые.

— Отчет по аренде за квартал. Все в порядке, детали в приложении. — Налоговые документы подписаны. Копии в облаке. — Напоминание: день рождения вашей мамы через неделю. Отправить цветы как обычно? — Вы пропустили рейс на Женеву. Перебронировать? — Люк, вы в порядке? Не отвечаете третью неделю. Это не похоже на вас.

Помощница, которая управляла моей жизнью. Недвижимость, налоги, перелеты. День рождения матери — и ни вины, ни тепла при чтении. Пустота. Как будто читаешь чужую переписку.

Я листал дальше. Потом взгляд зацепился за другое имя — Алексей. Сообщения шли плотно, одно за другим. Не деловые. Отчаянные.

— Люк, куда ты пропал? — Иша похищена. Помоги! — Нужна твоя помощь! Где ты? Экран мигнул и погас. Телефон на этот раз сел окончательно.

Меирана уже стояла рядом и тоже смотрела на погасший экран.

— Он умер?

— Нет. Заснул. Нужна энергия, чтобы его разбудить. Идем, нужно найти место, где его покормить.

Мы пошли по дорожке к выходу из парка. Мертвый телефон в сумке не давал покоя — там были ответы, и все они погасли вместе с экраном.

Боковым зрением я заметил движение на пустой поляне, где мы стояли минуту назад. Обернулся — никого. Только парень с мопсом стоял на дорожке позади. Неподвижно. Он не уходил, не смотрел в телефон, не оглядывался по сторонам — просто стоял и смотрел нам вслед. Мопс рядом с ним — в той же позе, что и минуту назад. Не переступал лапами, не нюхал землю, не крутил головой на звуки. Стоял, как предмет, поставленный на асфальт.

Что-то в этом было неправильное. Но я отвернулся и пошел дальше.

Когда мы вышли из-под высоких деревьев, Меирана замедлила шаг у клумб с яркими цветами, провожая их взглядом. Она пока не замечала надвигающейся стены стекла и бетона. Шум города нарастал с каждым шагом.

Она повернулась ко мне.

— Что так шумит?

И замерла.

Глаза ее медленно расширялись, а рот приоткрылся. Она вцепилась в мою руку.

Перед нами были огромные экраны в пять, в десять человеческих ростов. Они кричали цветами со всех сторон. На одном женщина с неестественно белыми зубами подносила к губам красную бутылку, на другом ползли желтые буквы. Сотни людей шли мимо друг друга, и почти каждый смотрел в маленькую светящуюся пластину в руках. Никто не поднимал глаз. Желтые машины ползли сплошным потоком, рычали, гудели. Сирена взывала где-то за домами.

Меирана молча разглядывала все вокруг, поворачивая голову то влево, то вправо. Потом ее взгляд остановился на прохожих.

— Люк... У них у всех такие же коробочки. Как у тебя. Зачем? Без них здесь нельзя?

— Наверное можно. Но люди не хотят. Там внутри — связь с другими людьми, новости, развлечения. Почти вся жизнь.

Она несколько мгновений наблюдала за толпой, потом покачала головой.

— В Контере за такую вещь убили бы. А здесь это у всех.

— Это ваш храм? Место силы? — Она обвела рукой площадь.

Я посмотрел на рекламу нижнего белья размером с дом, на туристов, которые фотографировались на фоне этого безумия.

— Нет. Это реклама. Способ рассказать людям о вещах, которые можно купить.

— Все это, — она снова обвела рукой площадь, — чтобы рассказать о вещах?

Кто-то толкнул ее плечом и прошел мимо, даже не обернувшись. Меирана вздрогнула и прижалась ко мне ближе.

— Идем. Нужно найти место потише. И зарядить телефон.

Я взял ее за руку и повел сквозь толпу.

Кофейню я заметил в переулке, в стороне от светового безумия площади. Маленькая, с деревянными столиками и мягким светом. Пахло жареным кофе, шоколадом и корицей. Тихо, только в углу бормотал телевизор.

Меирана села спиной к стене — инстинкт охотницы, от которого она, наверное, не избавится никогда. Взгляд скользнул по залу, отметил выходы, задержался на окне.

Я подошел к стойке. Бариста с фиолетовыми волосами и кольцом в брови окинула взглядом мою тунику.

— Тематическая вечеринка, — сказал я, не дожидаясь вопроса. — Затянулась.

— Круто. Что будете?

— Два американо, два шоколадных маффина. И зарядка есть? Телефон сел.

Она достала из-под стойки белый провод и воткнула в розетку у кассы.

— Сюда клади. Только не уходи, пока не расплатишься.

Я подключил телефон и вернулся к Меиране.

Она разглядывала белую керамическую емкость на столе.

— Что это?

— Сахарница. Внутри сахар, сладкий порошок. Добавляют в напитки.

— Просто так? Не для лечения?

— Просто для вкуса.

Она сняла крышку, лизнула палец, макнула в белые крупинки и поднесла к губам. Глаза расширились.

— У вас столько сладкого, что просто ставят на стол? И никто не ворует?

— Никто.

Она покачала головой, будто услышала о чуде.

Я смотрел на нее, и что-то сжалось в груди, но это было не умиление, а что-то глубже. Она сидела в обычной кофейне, пробовала обычный сахар, и каждая мелочь была для нее открытием. Каждая вещь, мимо которой я прошел бы не глядя, вызывала в ней восторг.

Принесли кофе и маффины. Меирана понюхала чашку, сделала глоток и сморщила нос.

— Горько.

— Добавь сахар.

Она насыпала ложку, попробовала, насыпала еще. Маффин осторожно откусила и зажмурилась.

— Это что?

— Шоколад.

— Шо-ко-лад, — повторила она медленно. — Твой мир безумен, Люк.

— Знаю.

Телефон на стойке мигнул. Экран ожил.

Я сорвался с места. Схватил телефон, посмотрел в камеру — щелчок распознавания. Первым делом открыл переписку с Алексеем и начал читать с начала.

— Ты где? — Перезвони. Важно. — Мне нужна твоя помощь. — Люк, пожалуйста. Ответь.

И последнее, две недели назад:

— Если ты это читаешь, позвони. Я больше не знаю, что делать.

Я набрал номер. Гудки, долгие и равнодушные. Никто не взял. Еще раз. Абонент временно недоступен.

Две недели. Что могло случиться за две недели?

Открыл банковское приложение — сработало распознавание лица, авторизация прошла. Цифра на экране была такой длинной, что я пересчитал знаки дважды. За этими суммами стояла чья-то жизнь — обязательства, договоры, решения, о которых я не имел ни малейшего представления. Деньги, которые кто-то зарабатывал и которыми распоряжался. И этим кто-то был я, и ничего, блин, не помнил. В профиле нашелся адрес — квартира на Парк-авеню, в этом же городе. Позвонил в поддержку банка, персональный менеджер пообещал выслать курьера с новыми картами в течение дня.

Меирана заметила выражение моего лица и подошла, заглядывая через плечо в телефон.

— Что?

— Меня искали, — ответил я. — Кто-то, кто оказался в беде. И, оказывается, я богат.

— Это хорошо?

— Пока не знаю, но, наверное, удобно.

Я полез в сумку, и руки сами нашли то, что искали — на дне, под бурдюком с водой и свертком с сушеным мясом, лежала связка ключей. Номер на брелоке совпал с адресом. Пальцы знали, куда лезть, голова — нет.

— У меня есть дом здесь. Но сначала — одежда. Мы слишком выделяемся.

Она кивнула и усмехнулась.

Ее внимание переключилось на телевизор в углу. На экране мелькала карта мира с красными точками, кадры с кометой на фоне звезд, горящий лес, наводнение. Потом появился человек в черной одежде с белым воротником. Меирана дернулась.

— Посвященный?

— Похожи. Но здесь у них нет власти. Люди слушают, только если хотят.

Человек на экране говорил медленно и весомо. Я перевел:

— Говорит, что скоро конец света. И что ангел апокалипсиса уже здесь, среди людей.

— Ангел?

— Существа из местных легенд. Что-то вроде велмораев, только наоборот — не злые. Считается, что они служат богу и защищают людей.

— Служат богу и защищают людей, — повторила она медленно.

Меирана замолчала. Она смотрела на меня, не на экран. Долго и странно, будто видела что-то, чего я сам не замечал. Потом отвела взгляд.

Я допил остывший кофе и прикоснулся телефоном к терминалу на стойке. Мягкий писк, оплата прошла.

Когда мы выходили из кофейни, Меирана вдруг остановилась в дверях и обернулась.

— Что? — спросил я.

— Не знаю. — Она нахмурилась, глядя на улицу. — Чувство. Как на охоте, когда за тобой наблюдает зверь из высокой травы. Только здесь нет травы.

Я посмотрел туда. Прохожие, витрины, желтые такси. Ничего необычного. Но Меирана была охотницей Контеры и своим инстинктам доверяла больше, чем глазам.

— Идем быстрее.

Магазин нашелся в квартале от кофейни. Огромный, сверкающий витринами в два человеческих роста. Продавщица у стойки, блондинка в черном платье с идеальным макияжем, скользнула взглядом по нашей одежде и отвернулась.

— Добрый день. Нам нужна помощь.

— Боюсь, вам лучше поискать что-то в другом месте, — голос ее был сладкий, но глаза холодные. — У нас несколько иной ценовой сегмент.

Я достал телефон и повернул экран с балансом к ней. Жест вышел автоматический — пальцы сами нашли нужное приложение, сами развернули экран. Тело знало, как разговаривать с такими людьми. Голова не помнила, а руки помнили. Она побледнела. Через минуту нас уже обслуживали.

— Что происходит? — прошептала Меирана по-контерийски. — Почему они так прыгают вокруг нас?

— Я показал им, что могу заплатить. Здесь это важно.

— Станный мир.

Меирану увели на примерку. Я попросил подобрать ей удобную одежду и обувь, а себе взял синие джинсы, черную футболку и кроссовки.

Занавеска отдернулась. Меирана вышла в темно-синем платье ниже колен и посмотрела в зеркало. Замерла. Повернулась одним боком, другим. Провела ладонью по ткани на бедре. На секунду на ее лице мелькнуло что-то мягкое, девчоночье — она себе нравилась.

Потом дернула подол и нахмурилась.

— Красивое. Но бегать нельзя. И драться нельзя.

— Выбери то, в чем удобно, — улыбнулся я.

В итоге она остановилась на джинсах, белой футболке и белых кроссовках. В салоне рядом ей сделали стрижку и легкий макияж. Через час мы вышли из магазина с тремя пакетами.

Блондинка-продавщица стояла у стойки. Когда мы проходили мимо, она шагнула вперед. — Простите за прием, — сказала она тихо. — Мне не следовало так себя вести.

Я улыбнулся и кивнул.

На улице Меирана притихла. Я заметил не сразу — она шла чуть позади и поворачивала голову к каждой витрине. Не разглядывала товары. Ловила свое отражение в стекле. Смотрела быстро, украдкой, будто боялась, что я замечу. Новые джинсы, белая футболка, кроссовки, короткая стрижка — она себя не узнавала и не могла оторваться.

Еще в магазине я видел, как она смотрела на продавщиц — на их прямые спины, строгие платья, уложенные волосы, накрашенные губы. Не с завистью. С тем жадным вниманием, с каким в Контере она рассматривала фотографии женщин на экране моего телефона и трогала пальцем их лица, будто пыталась понять, настоящие ли они..

Она замедлила шаг у очередной витрины, посмотрела на свое отражение рядом с манекеном в вечернем платье и повернулась ко мне. Она не спросила. Но глаза спрашивали — я такая же?

— Красивая, — сказал я.

Она быстро отвернулась, но я успел заметить, как дрогнули уголки ее губ.

На улице, пока ждали такси, я бросил взгляд через дорогу и похолодел.

На другой стороне улицы, возле газетного киоска, стоял парень. Тот самый, из парка. С мопсом на поводке. Он держал телефон перед собой, как все вокруг, но пальцы на экране не двигались. Не листали, не набирали. Он не смотрел в телефон — он смотрел поверх него. И стоял так же, как в парке: ровно, без единого лишнего движения. Не переминался с ноги на ногу, не поправлял куртку, не оглядывался. Будто кто-то поставил фигуру на тротуар и забыл ее забрать.

Мопс рядом с ним — в той же позе, что час назад. Ровно в той же. Поводок провисал одинаковым изгибом. Ни одного собачьего жеста. Два манекена — человек и собака, — словно кто-то их надел на себя и не знал, как быть человеком и собакой.

Мопс поднял голову и уставился прямо на меня. Не на Меирану. На меня. Глаза у него были неподвижные и очень внимательные. Два темных камня в меховой морде.

Между лопатками прошел холодок.

Такси подъехало, и я помог Меиране устроиться внутри.

— Парк-авеню. Пожалуйста.

Такси довезло нас за двадцать минут. Меирана не отрывалась от окна, и я видел, как расширяются ее глаза с каждым кварталом. Но я уже не смотрел на город. Я смотрел в заднее стекло.

Дом на Парк-авеню оказался башней из стекла и стали, уходящей так высоко, что верхние этажи терялись в вечерней дымке. Швейцар в униформе распахнул дверь и кивнул мне как старому знакомому.

— Добрый вечер, мистер Андерсон. Давно вас не было.

Я кивнул в ответ. Улыбнулся. Как актер, который не помнит роли, но знает, что нужно улыбаться.

Лифт оказался прозрачной капсулой. Меирана вцепилась в поручень так, что побелели костяшки, глядя, как земля уходит вниз.

— Он летит?

— Поднимается. На тросах. Не бойся.

— Я не боюсь. Просто непривычно.

Двери открылись. Длинный коридор, мягкий свет, ковер, глушащий шаги.

Я нашел нужную дверь, достал ключ и вставил в замок.

Пальцы дрожали. Сейчас я войду в свой дом. В место, где жил. Спал. Может, любил кого-то. И ничего из этого не помню.

Дверь открылась.

Из квартиры пахло смесью парфюма и выпечки. Не пылью закрытого помещения — чем-то живым. За порогом открылся просторный холл с высокими потолками и мягким светом, а на низком столике у дивана стояла белая чашка. Над ней поднимался пар.

Кто-то был здесь. Прямо сейчас.

Я шагнул внутрь и замер.

Глава 2: Забытый дом

Холл был огромным — два этажа в высоту, мраморный пол, широкая лестница наверх. Посредине висела тяжелая хрустальная люстра, разбрасывавшая блики по стенам. Холл перетекал в гостиную без стен и дверей и заканчивался окнами от пола до потолка. За стеклом висела серая дымка. Города видно не было. Мы стояли на пороге и не двигались.

Меирана сделала шаг вперед. Запрокинула голову, глядя на люстру. Потом на лестницу. Потом на окна.

— Это твой дом? — прошептала она. — Здесь живет один человек?

— Видимо, да.

Она осторожно дотронулась до стены, провела пальцами по гладкой поверхности, потом коснулась спинки кресла, обитого светлой кожей. Трогала все, внимательно изучая.

Я тоже осматривался. Все на своих местах, удобно, продуманно. Я бы в таком жил, но ничего не узнавал. Чужой дом, в котором почему-то было комфортно.

На стенах висели фотографии. На одной — я, моложе, в белом халате, рядом с группой людей на фоне палаток с красными крестами. На другой — на каких-то развалинах высоко в горах. На третьей — с аквалангом. Врач-хирург, путешественник, доброволец в горячих точках. Человек, который не сидел на месте.

Меирана подошла к окнам и коснулась стекла ладонью.

— Там ничего не видно.

— Облака. Мы очень высоко. Возможно, скоро они...

Я не договорил.

— Боже мой! Люк!

Голос раздался откуда-то из глубины квартиры. Быстрые шаги по лестнице, каблуки застучали по мрамору.

Меирана отпрянула от окна и развернулась. Рука метнулась к поясу — по привычке. Тело приняло боевую стойку раньше, чем голова успела подумать. Я тоже повернулся.

По лестнице сбегала девушка. Невысокая, русые волосы собраны в хвост, строгая белая блузка, юбка-карандаш. На ее лице было облегчение и злость одновременно. Глаза ее были красные и уставшие.

Она остановилась на последней ступеньке. Смотрела на меня так, будто хотела одновременно обнять и ударить.

— Три недели, — сказала она. — Три недели без единого слова. Телефон выключен. Рейсы пропущены. Я обзвонила все клиники, все миссии, чуть в полицию не обратилась.

Жена? Девушка? Невеста? Сердце колотилось.

Потом она увидела Меирану. Взгляд скользнул по ней — быстрый, цепкий, женский. Задержался на ее лице, на новой одежде, на том, как близко она стояла ко мне. Губы сжались в тонкую линию.

Меирана не понимала слов, но считала все остальное мгновенно. Напряглась. Сузила глаза. Шагнула ко мне ближе — не пряталась за спину, нет. Встала рядом. Плечом к плечу.

— Кто это? — по-контерийски, тихо, ровно произнесла она.

— Не знаю.

— Ты не знаешь, кто эта женщина? Это твой дом, Люк.

Девушка на лестнице слышала чужой язык и не понимала ни слова. Ее взгляд метался между нами.

— Вы могли хотя бы предупредить, — сказала она, и в голосе звякнул металл. — Если это очередная экспедиция, я бы подготовила все. Встретила бы вас. Организовала бы. Это моя работа.

«Подготовила бы». «Встретила бы». «Это моя работа». Не жена и не девушка. Что-то внутри отпустило — хотя я все еще не понимал, кто это. Но облегчение тут же сменилось растерянностью: я не знал эту женщину. Вообще. Она знала мой дом, мои привычки, мои рейсы — а для меня она была незнакомкой.

Меирана наблюдала. Молчала. Считывала.

— Она не жена, — сказала она по-контерийски. — Но она к тебе равнодушна. Это я тоже вижу.

Я промолчал. И тут до меня дошло — Рэйчел Коулман. Тот человек, который писал сообщения про пропущенный рейс и про день рождения мамы. Моя помощница.

Девушка ждала ответа. Стояла на последней ступеньке, подбородок чуть приподнят — держалась, хотя я видел, как подрагивает нижняя губа.

— Мне нужно сказать тебе кое-что, — начал я. — И тебе будет трудно в это поверить. Она чуть приподняла бровь.

— Я не помню тебя. Вообще. Не помню эту квартиру, не помню свою жизнь. Не знаю, кто я, чем занимаюсь и кто ты мне.

Тишина. Она не двигалась. Только глаза расширились, и в них мелькнул страх.

— Это из-за экспедиции? Вы ударились головой? Вам нужен врач...

— Нет. Мне нужно, чтобы ты рассказала мне, кто я.

Она медленно сошла с последней ступеньки. Опустилась на край дивана. Руки легли на колени. Я видел, как она берет себя в руки — профессионально, привычно. Человек, который умеет собираться.

— Меня зовут Рэйчел. Рэйчел Коулман. Я ваша личная помощница. Работаю на вас два года.

— Рэйчел, — повторил я. Имя ничего не вызвало.

Я повернулся к Меиране.

— Она работает на меня. Управляет делами. Ее зовут Рэйчел.

Меирана кивнула. Плечи опустились — совсем чуть-чуть.

— Не жена, — сказала она. — Хорошо.

Рэйчел смотрела, как мы переговариваемся на непонятном языке.

— Кто она? На каком языке вы говорите?

— Это Меирана. Она из очень далекого места. Не говорит по-английски.

— Из экспедиции?

— Можно и так сказать.

Рэйчел посмотрела на Меирану, их взгляды встретились. Две женщины, которые не понимали друг друга ни на одном языке, но понимали главное.

— Рэйчел, мне нужно знать. Я женат? У меня есть дети?

Она моргнула.

— Нет. Не женаты. Детей нет. — Пауза. — Вы всегда говорили, что вам некогда.

— Расскажи мне все. Кто я, чем занимаюсь, откуда деньги. Все, что знаешь.

Рэйчел заговорила, а я слушал чужую жизнь и ходил по квартире, разглядывая ее, как музей незнакомому человеку. Семья богатая, капитал старого происхождения. На каминной полке стояла фотография мужчины с моими глазами — отец. Рамка чуть запылелась, и я провел по ней пальцем. Умер рано, сказала Рэйчел. Мать на побережье — созваниваемся раз в год, если повезет. На стене рядом с фотографией в горах висел диплом, а под ним — три благодарственных письма от гуманитарных организаций. Вместо карьеры — миссии по всему миру. Фотографии на стенах были оттуда.

— А последний месяц? — спросил я, остановившись у окна.

— Вы были в Европе. Должны были встретиться с другом — Алексеем. Я меняла билеты, чтобы вы летели на побережье вместе. А потом — тишина. Целый месяц.

Значит, Алексей — мой друг. Мы встретились в Европе. И с ним была Иша. А потом что-то произошло...

— Рэйчел, я ничего не говорил про Ишу? Может, ты слышала это имя?

Она покачала головой.

Меирана все это время сидела неподвижно. По ее лицу было видно — она ловила интонации, жесты, выражения глаз. Читала нас обоих как следы на земле.

— Нам нужен преподаватель английского, — сказал я. — Меирана совсем не говорит. И есть проблема — ее родной язык настолько редкий, что преподавателя со вторым таким же мы не найдем.

— Есть преподаватели, которые работают без языка-посредника. Когда нужен?

— Чем раньше, тем лучше.

Рэйчел кивнула и записала что-то в телефон. Я заметил, как подрагивают ее пальцы.

— Рэйчел, что тебя беспокоит?

Она замялась. Опустила глаза, потом подняла и посмотрела прямо на меня.

— Люк, скажи... Я все еще на тебя работаю?

— Конечно. Откуда эти мысли?

Она вдохнула глубоко, всей грудью, будто не дышала все это время.

— Тогда я организую вам ужин и займусь поисками преподавателя.

Улыбнулась — впервые за весь вечер, быстро и немного криво — и прошла в боковой коридор за гостиной.

— Найдем тебе учителя, — я повернулся к Меиране. — Будешь учить язык.

Меирана расправила плечи и кивнула.

— Я буду стараться. Очень-очень.

Мы поднялись на второй уровень. Кабинет, заваленный бумагами, спальня с огромной кроватью, пустые гостевые комнаты. Я набрал Алексея — абонент недоступен.

Потом встал под душ. Горячие струи стекали по телу, и мысли унесло туда, куда я не хотел — в Контеру. Тронный зал. Вспышка. Чужая воля в моем теле, чужие слова моим голосом. Я посмотрел на свои руки, мысленно потянулся к силе — и она отозвалась, послушно потекла приятным, чуть щекочущим потоком. Нет, это был не сон. И Страж — не сон. И клятва «никогда больше» — тоже не сон. Я стоял под водой и не знал, что пугает сильнее: то, что сила может не прийти, когда понадобится, или то, что она придет — и снова заберет у меня тело.

В дверь постучали. Меирана проскользнула внутрь, попробовала воду рукой и через минуту стояла рядом под горячими струями. Прижалась, положила голову мне на грудь, и мысли о Страже, о печатях, о чужой воле — все это отступило, растворилось в паре и тепле.

— Ты обещал мне чудеса и не обманул, — проговорила она шепотом.

С влажными волосами, в длинных махровых халатах мы спустились в гостиную, где уже был накрыт стол. Рэйчел постаралась — паста, салат, хлеб, вино.

После ужина Рэйчел убрала все, кроме чайника и трех чашек. Меирана держала свою обеими руками, грела ладони и нюхала пар — привычка из мира, где горячее питье было редкостью.

Я снова набрал Алексея. Длинные гудки уходили в пустоту, и с каждым из них внутри нарастало глухое, тяжелое чувство — не страх, скорее вина. Человек звал на помощь, а я был в другом мире и не слышал. Абонент недоступен.

Рэйчел наблюдала за мной поверх чашки.

— Кому ты звонишь?

— Алексею. Моему другу. Он писал мне, пока я был... недоступен. У него проблемы. Серьезные.

— Алексей Златов? — Рэйчел поставила чашку. — Русский хирург, с которым вы работали в Сирии. Вы дружите давно, Люк.

Я кивнул. Каждый кусочек информации был как монета, найденная на дороге — сама по себе мало что значила, но где-то впереди из них мог сложиться путь.

— Его телефон выключен уже две недели, — сказал я.

Рэйчел нахмурилась и потянулась к своему телефону, но я покачал головой.

— Не сейчас. Я разберусь.

Повисла пауза. Меирана поставила чашку и посмотрела на меня — она не понимала слов, но чувствовала, что разговор зашел в тупик.

Рэйчел вдруг выпрямилась, будто вспомнила что-то.

— Люк, я хочу кое-что предложить. — Она заговорила тем особенным тоном, каким говорят люди, долго обдумывавшие идею и наконец решившиеся ее озвучить. — Ты жертвуешь деньги на детский дом. «Солнечный берег», час езды от города. Пятнадцать тысяч в месяц. Уже больше трех лет.

Я молчал. Пятнадцать тысяч в месяц на детский дом, о котором я не имел ни малейшего понятия.

— Я давно хотела свозить тебя туда, — продолжила Рэйчел. — Показать, куда уходят деньги. Ты ни разу не был — просто подписал распоряжение. А сейчас, когда ты пытаешься собрать по кусочкам свою жизнь, может, это поможет? Увидеть своими глазами, какой ты человек. — Она помолчала. — И, если честно, я давно хотела проверить лично. Директор последние два месяца не присылал фотоотчетов. Говорит — ремонт. Но мне это не нравится.

Последнюю фразу она произнесла легко, как мелкую бытовую деталь. Но ее челюсть чуть сжалась — она нервничала сильнее, чем показывала.

Я повернулся к Меиране и перевел.

— Рэйчел говорит, что я помогал деньгами детям без родителей. Предлагает поехать и посмотреть.

Меирана выслушала, потом спросила:

— Дети без родителей — как Лира?

Лира. Девочка, которую я вытащил из рук бандитов в Контере. Ее отец погиб, защищая ее.

— Да. Как Лира.

Меирана кивнула — коротко, серьезно. Потом чуть наклонила голову, будто прислушивалась к чему-то внутри себя.

— Это место... оно безопасно?

— Не знаю. Это детский дом, не крепость.

— Поезжай, — сказала Меирана. — Но будь внимателен.

Что-то тянуло меня согласиться, и дело было не только в логике. Смутное беспокойство поселилось где-то под ребрами и не имело причины. Не страх и не предчувствие, а ощущение, что мне нужно туда попасть. Как будто что-то ждало меня в том месте, и это что-то было важнее, чем я мог сейчас понять.

— Хорошо, — сказал я Рэйчел. — Завтра утром.

Она кивнула, и ее плечи чуть опустились — облегчение.

— Я найду машину и спланирую маршрут, — сказала она и потянулась к телефону.

Меирана тронула меня за руку.

— А я?

— Ты останешься здесь. Завтра придет преподаватель — начнешь учить язык.

Она сжала губы. Я видел, как в ней столкнулись два чувства разом: понимание, что это правильно, и нежелание отпускать меня с Рэйчел. Она не стала говорить ни о том, ни о другом. Вместо этого встала, подошла ко мне вплотную, положила обе ладони мне на лицо и заглянула в глаза.

— Ты возвращаешься до захода солнца, — сказала она тихо и твердо. — Это не просьба, Люк.

— Вернусь.

Она опустила руки, выпрямилась и повернулась к Рэйчел. Их взгляды встретились. Меирана не знала ни слова по-английски, но то, что она сказала взглядом, перевода не требовало: верни его целым.

Рэйчел чуть склонила голову — приняла.

Я смотрел на них обеих и думал, что это, пожалуй, самый странный вечер в моей новой жизни. Две женщины из разных миров договорились о чем-то важном без единого общего слова.

— Иди спать, — сказала Меирана, снова повернувшись ко мне. — Завтра длинный день.

Она развернулась и пошла к лестнице. На третьей ступеньке остановилась и бросила через плечо:

— И скажи ей, чтобы не опаздывала утром.

Я перевел. Рэйчел усмехнулась — первый раз за вечер по-настоящему, не вежливо и не криво, а как человек, которому просто стало смешно.

— Мне она нравится, — сказала Рэйчел тихо.

Утро пришло серое, влажное. За окнами висела дымка, и город внизу казался нарисованным акварелью по мокрой бумаге.

Рэйчел приехала ровно в восемь, а следом — преподаватель, молодой парень с добродушным лицом и рюкзаком, набитым карточками и детскими книжками.

Меирана сидела на диване и разглядывала его с выражением охотницы, оценивающей незнакомого зверя — не опасен ли, не глуп ли, стоит ли тратить время. Я представил их друг другу жестами и парой фраз на контерийском. Она выслушала, кивнула и повернулась к парню с видом человека, готового к тяжелой работе.

У двери Меирана поймала мою руку и сжала — коротко, крепко.

— До заката, — напомнила она.

По дороге я поймал себя на мысли о парне с мопсом из парка. Тот самый мопс с неподвижными, не собачьими глазами. Мы уехали из города — но ощущение чужого взгляда на затылке осталось. Я посмотрел в зеркало заднего вида. Пустое шоссе, ни одной машины. И от этой пустоты почему-то не стало легче.

Рэйчел рассказывала то, что знала: «Солнечный берег», частный приют, директор Маркус Уинтерс. Пятнадцать тысяч в месяц, три года. Два месяца назад Уинтерс перестал присылать фотоотчеты. Рэйчел молчала дольше обычного между фразами, и это молчание говорило больше слов.

Через час машина свернула на проселочную дорогу, и деревья расступились. Впереди показался невысокий забор из кованого железа, за ним — двухэтажное здание из красного кирпича с белыми наличниками, большой двор и старый парк. На воротах висела табличка: «Солнечный берег. Детский дом-интернат».

Рэйчел припарковала машину. Мы вышли.

И тогда я ее почувствовал.

Это была еле уловимая вибрация. Которую я чувствовал всем телом. Тяжелая медленная пульсация идущая откуда-то из под земли, как второе сердцебиение. Она шла откуда-то из парка, из-за деревьев, и тянула к себе.

Рэйчел направилась к воротам, а я свернул к парку. Она обернулась, но я махнул рукой — иди, догоню.

Я прошел мимо детской площадки с облупившимися качелями. Гравийная дорожка вела вглубь парка, под тень старых лип.

Стела стояла у крайнего дерева — невысокий серый гранит с полустертой надписью и датой 1847. На первый взгляд обычный мемориальный камень, но кто-то когда-то сделал его из чего-то более древнего. С боков и сзади проступали странные символы — глубоко врезы в камень завитки и линии, которые не имели ничего общего с английскими буквами на лицевой стороне. Их приняли за орнамент, за украшение, и оставили как есть.

Пульсация усилилась, когда я подошел ближе. Положил ладонь на гранит и закрыл глаза.

Сила внутри отозвалась, потекла по руке, коснулась поверхности — и ладони обожгло, словно я схватился за раскаленную сковороду. Я не отдернул руку. Стиснул зубы и вдавил обе ладони в камень. Сила уходила в гранит, как вода в сухой песок, — бесконечно, безответно. На секунду мелькнуло что-то — ощущение огромного пространства, белого и пустого, как зал из сна. А потом — стена. Непроницаемая толща, как лед над зимним озером. Печать была там, я чувствовал ее дыхание. Но она спала и не хотела просыпаться. Чего-то не хватало, и я не знал чего.

Я убрал руки. Ладони горели, и на граните остались два влажных отпечатка, которые высохли за секунду, будто камень впитал их.

Рэйчел подошла к воротам и дернула цепь. Замок был новый, блестящий — не вязался со старым кованым железом. Она огляделась и заметила боковую калитку, прикрытую, но не запертую. Толкнула и вошла.

Двор был пуст. Ни детей, ни воспитателей, ни голосов. Только ветер гнал по асфальту обертку от батончика. Качели стояли неподвижно, и на одной из них лопнуло сиденье — давно, судя по ржавчине на цепях.

Рэйчел поднялась по ступеням и вошла в здание. В коридоре пахло хлоркой и чем-то кислым, застоявшимся. Стены, которые на фотографиях в отчетах были свежеекрашенными, оказались серыми, с пятнами сырости у пола. Линолеум вздулся в нескольких местах, и на одном из вздутий кто-то наклеил скотч — грубо, наспех.

Пятнадцать тысяч в месяц. Три года. Больше полумиллиона долларов. И стены в пятнах.

Она прошла дальше. Из-за одной двери доносился приглушенный голос — кто-то читал вслух, монотонно, без выражения. Рэйчел заглянула: десяток детей сидели за столами, худые, в одинаковых серых футболках. Воспитательница, грузная женщина с усталым лицом, читала им что-то из потрепанной книги, не поднимая глаз.

Рэйчел сжала челюсти и пошла дальше, к кабинету директора. Табличка на двери: «М. Уинтерс. Директор». Дверь была приоткрыта.

Она уже потянулась к ручке, когда услышала голоса. Два мужских голоса — один знакомый по телефонным разговорам, мягкий, обходительный. Другой — незнакомый, низкий, деловой.

— Группа крови совпадает, возраст подходит, — говорил незнакомый голос. — Клиент ждать не будет. Вы же понимаете.

— Понимаю, понимаю, — это был Уинтерс. В его тоне не было ни тени сомнения — усталость человека, обсуждающего рутинную сделку. — Документы готовы. Справка о переводе в приемную семью в другом штате. Все как обычно.

— Где она сейчас?

— В коридоре, у окна. Она всегда там стоит в это время, смотрит на птиц у кормушки. Лили Картер, семь лет. Тихая, послушная, проблем не будет.

— Сколько? — спросил незнакомый голос.

Рэйчел услышала шелест купюр и отступила от двери. Пальцы онемели, в голове звенела пустота — как после удара. Но тело уже двигалось. Два года работы на Люка научили ее главному: быстро думать и принимать решения. Пока они считают деньги — у нее есть минуты. Может быть, только минуты.

Она развернулась и пошла по коридору, не ускоряя шаг. За спиной продолжался приглушенный разговор, неторопливый счет. Каждая секунда этого счета была ее фора.

Девочка стояла в конце коридора, у широкого окна. Маленькая, русые волосы до плеч, в серой казенной футболке, великоватой ей на два размера. Она стояла на цыпочках и смотрела через стекло на деревянную кормушку, привинченную к подоконнику снаружи. Там сустились две синицы.

— Лили? — Рэйчел присела рядом, чтобы быть на уровне ее глаз. Голос звучал ровно — она сама не понимала, откуда берется это спокойствие. — Меня зовут Рэйчел. Я помогаю человеку, который присылает деньги вашему дому. Знаешь, тому, благодаря кому у вас есть еда и одежда.

Лили повернулась. Серые глаза, внимательные, серьезные. Она посмотрела на Рэйчел так, как смотрят дети, выросшие среди взрослых, — оценивающе, без детской доверчивости.

— Который ни разу не приезжал? — спросила она.

— Да. Именно он. Он сегодня приехал впервые. Стоит в парке и очень хочет с тобой познакомиться. — Рэйчел улыбнулась, и улыбка далась ей тяжелее, чем что-либо в жизни. — Он привез подарки для всех детей. Но сначала хочет поговорить с тобой, потому что ему сказали, что ты самая умная.

Лили чуть наклонила голову.

— Правда?

— Правда. Пойдем? Только тихонько, чтобы другие не обиделись, что ты первая.

Девочка посмотрела на кормушку, потом на Рэйчел. Что-то решала.

— А птиц покормить потом можно?

— Обязательно.

Лили слезла с подоконника и взяла Рэйчел за руку. Ладонка была сухая и легкая, как лепесток.

Рэйчел выпрямилась и повела ее к боковому выходу. Мимо стенда с детскими рисунками, мимо двери спортзала, мимо туалетов. Она шла ровно, не ускоряя шаг, и держала Лили за руку так, будто они просто вышли на прогулку. Сердце колотилось в горле, но снаружи — ни одного лишнего движения. Чем страшнее, тем спокойнее нужно выглядеть.

Боковая дверь вела во двор. Рэйчел толкнула ее плечом и вывела Лили наружу.

— А куда мы идем? — спросила девочка, щурясь от солнца.

— В парк. Там ждет тот человек.

Они прошли через двор и вышли через калитку. Гравийная дорожка уходила к липам, и Рэйчел уже видела впереди силуэт Люка у стелы, когда за спиной хлопнула дверь.

— Эй! Стойте!

Мужской голос, резкий. Рэйчел не обернулась. Ускорила шаг.

— Стойте, я сказал!

Топот ног по асфальту. Не один человек — двое, может трое.

Рэйчел наклонилась к Лили.

— Помнишь, я говорила — тихонько? Теперь нужно быстро. Побежали.

Лили не спросила почему. Она просто побежала — мелкими шагами, цепляясь за руку Рэйчел, и казенные тапочки шлепали по гравию.

Рэйчел бежала и думала одно: до Люка — пятьдесят метров. Тридцать, двадцать. Гравий хрустел под каблуками, в легких жгло.

— Стреляю! — крикнул голос сзади.

Рэйчел подхватила Лили на руки и побежала быстрее, не разбирая дороги, сквозь кусты, по траве. Девочка вцепилась ей в шею и молчала — не плакала, не кричала, просто молчала, и от этого молчания Рэйчел стало страшнее, чем от крика за спиной.

✱✱

Я услышал крик и обернулся. Рэйчел бежала ко мне через парк с ребенком на руках. Лицо белое, волосы растрепаны, глаза — я никогда не видел таких глаз у делового, собранного человека. За ней, метрах в тридцати, бежали трое мужчин. У одного в руке был пистолет.

Все стало очень простым и очень быстрым.

Рэйчел добежала до меня и остановилась, прижимая девочку к груди. Она задыхалась, не могла говорить, только мотала головой в сторону преследователей.

Трое мужчин выбежали из-за кустов и остановились, увидев меня. Тот, что с пистолетом, поднял оружие.

— Отдайте ребенка. И никто не пострадает.

Я смотрел на него, и внутри поднималось то самое чувство — темное, горячее, от которого светлели руки и сжималась грудь. Я мог ударить. Силы хватило бы. Но пули летят быстро. Слишком быстро. Рэйчел стояла рядом с девочкой на руках. Одна пуля — и все.

Призвать Стража? Тело свело от одной мысли. Я поклялся — никогда больше. Лучше смерть, чем снова быть пассажиром.

За моей спиной Лили дрожала мелкой дрожью, вжимаясь в Рэйчел, и эта дрожь передавалась через ее тело в мое плечо.

Бежать некуда. Стража звать не хотел.

И тогда я не подумал — я рванул. Схватил Рэйчел за плечо, развернулся к стеле и шагнул. Не к стеле — сквозь нее. Сквозь воздух, сквозь пространство, сквозь все, что отделяло этот мир от другого. Сила хлынула из груди раскаленной волной, и мир словно дал трещину.

Белый свет растущей трещины поглотил нас троих.

Последнее, что я услышал из этого мира, — сухой щелчок выстрела, оборвавшийся на ползвук.

А потом — тишина.

Глава 3: ШаэльТар.

Белый свет схлынул и разлом закрылся, и я почувствовал под ногами землю. Воздух хлынул в легкие, густой от смолы и чего-то цветочного, и я вдохнул его так жадно, будто до этого не дышал вовсе. Рэйчел стояла рядом, прижимая к себе Лили, и я все еще сжимал ее плечо — пальцы не хотели разжиматься, будто тело еще не поверило, что выстрел остался по ту сторону.

Я разжал руку и огляделся. Тонкие светлые стволы поднимались вокруг нас, и кора на них отливала перламутром, когда я поворачивал голову. Синеватая листва шелестела над головой, хотя ветра я не чувствовал, и сквозь нее сочился ровный свет, заливавший поляну без единой тени. Я поискал глазами солнце и не нашел его.

— Люк, — Рэйчел прижимала Лили к себе, и голос у нее был хриплый, севший.

— Вы целы? — я быстро оглядел обеих. Ни крови, ни разрывов на одежде. Лили прижималась к Рэйчел, но не плакала. Пуля прошла мимо — или не успела догнать.

Рэйчел только что прошла через стену белого света, и я видел, как она пытается справиться с тем, что видят ее глаза — лес, которого не должно быть, деревья, которых не бывает. Но она справлялась. Огляделась и сказала:

— Мы не в Коннектикуте.

— Нет, — сказал я, потому что больше мне нечего было добавить.

— Птицы поют не так, — сказала Лили.

Она вывернулась из рук Рэйчел, и той пришлось поставить ее на траву. Лили не плакала и не жалась — стояла, слушала, чуть наклонив голову. Ребенок, которого пять минут назад вырвали из рук торговцев и протащили через светящуюся дыру в воздухе, разглядывал незнакомый лес так, будто ничего не случилось.

Я не знал, где мы. Я открыл портал спонтанно, думая только о безопасности — и вот мы здесь.

Додумать я не успел.

Они появились из-за деревьев так тихо, что я услышал их только когда ближайший оказался в пяти шагах. Семеро. Копья с каменными наконечниками, топоры, луки из темного дерева. Двигались слаженно и молча, и каждый знал свое место — так ходят люди, которые охотятся вместе не первый год.

Рэйчел шагнула назад и сдвинула Лили за себя одним коротким движением. Я встал перед ними обеими, но рук поднимать не стал. Сила внутри молчала, и это было не сонное молчание, а спокойная уверенность — так молчит зверь на своей территории, когда чужаки приходят без злого умысла. Эти люди были настороженны и вооружены, но опасности я не чувствовал.

Старший остановился передо мной и упер копьё поперек тела. Орлиные перья покачивались в его темных волосах, а на лбу синели точки татуировки, сложенные в узор. Он оглядел меня с ног до головы, потом перевел взгляд на Рэйчел и Лили, задержался на ткани курток и подошвах кроссовок и заговорил. Язык был незнакомый — мягкие гласные перекачивались как вода по камням.

Я понял каждое слово. Они пришли откуда-то изнутри, сами, без усилия, будто этот язык жил во мне всегда и ждал, когда понадобится.

— Кто вы? Откуда пришли?

— Меня зовут Люк, — ответил я на его языке. — Со мной Рэйчел и Лили. Мы не несем вреда.

— Ты говоришь на их языке? — шепотом выдохнула Рэйчел за моей спиной.

— Да. Потом объясню.

При звуке моего имени по охотникам прошла волна. Они переглянулись, и руки на копьях напряглись. Молодой парень с зелеными перьями колибри в косах подался вперед, взгляделся мне в лицо и прошептал:

— Он назвался именем Китахи...

Старший повернулся к нему и шикнул так резко, что парень отшатнулся и опустил глаза. Тишина повисла густая, и я видел, как пальцы старшего побелели на древке копья.

— Пойдешь с нами, — сказал он наконец, и в голосе его звучало не приказание, а тяжелое сомнение человека, который не знает, радоваться ему или бояться. — Старейшина решит, что с тобой делать.

— Хорошо, — сказал я.

Он кивнул и двинулся по тропе. Двое охотников пошли впереди, остальные встали за нами, и я перевел Рэйчел коротко — ведут к старейшине. Она кивнула, и я заметил, как ее глаза быстро пересчитали охотников и скользнули по кустам за их спинами. Три года она управляла моими делами, о которых я ничего не помнил, и привычка держать все под контролем, видимо, работала в ней даже здесь, в мире, который существовать не должен.

Расстановка мне не нравилась — двое впереди задавали темп, пятеро сзади перекрывали отход, и это было похоже на конвой куда больше, чем на сопровождение. Но сила внутри по-прежнему молчала, и я доверился ей.

Лили взяла меня за руку, и ладонь у нее была теплая и спокойная, и она шла рядом со мной, разглядывая деревья и охотников с одинаковым невозмутимым любопытством, от которого мне становилось не по себе. Семилетний ребенок не должен быть таким спокойным после всего, что произошло за последний час.

На третьей минуте пути я заметил странное. Трава вдоль тропы, густая и синеватая, по колено, тянулась к моим ногам — не к Рэйчел, не к охотникам, а ко мне. Стебли чуть отклонялись, когда я проходил мимо, будто их сгибал легкий ветер, хотя воздух стоял неподвижно. Потом я обратил внимание на листья — низкие ветки деревьев, нависавшие над тропой, медленно поворачивались, когда я оказывался рядом, едва заметно, как подсолнухи поворачиваются к солнцу. Я протянул руку к ближайшему стволу и не успел коснуться — кора потеплела, и я чувствовал это тепло с расстояния в ладонь, живое и мягкое, будто дерево дышало мне навстречу.

Молодой охотник с перьями колибри шел ближе всех и видел все это. Он не сказал ни слова, но рука его на копье мелко задрожала.

Вдоль тропы росли кусты с бутонами размером с два кулака, и они светились изнутри бледно-голубым, будто в каждом горела крохотная лампа. Лили протянула руку потрогать, и молодой охотник едва заметно улыбнулся, но тут же спрятал улыбку, поймав взгляд старшего.

Деревня открылась разом — дома на высоких сваях, стены из глины и веток, крыши из огромных листьев, уложенных внахлест. Народ высыпал на площадь, стоило нам показаться на ее краю. Дети выбежали первыми и остановились, разглядывая нас во все глаза. Старик потянулся и потрогал рукав куртки Рэйчел, покачал головой и сказал что-то, от чего ближайшие соплеменники засмеялись. Человек пятьдесят — может, больше — обступали нас кольцом, негромко переговариваясь, и в их голосах звучало любопытство, а не враждебность.

Из большого дома на краю площади спустился мужчина. Крепкий, лет сорока, с черной бородой и темными глазами, в которых сидела застарелая усталость. На шее висело ожерелье из звериных клыков, а на голове — повязка с цветными перьями. Он двигался так, как двигаются люди, привыкшие к тому, что при их появлении замолкают.

Толпа расступилась. Шолла выслушал старшего охотника молча, скрестив руки на груди. Потом повернулся ко мне и несколько секунд рассматривал, прищурившись, будто прикидывал, стоит ли вообще тратить слова.

— Именем Китахи, — произнес он негромко. Усмехнулся, и усмешка эта была горькая и тяжелая. — Покажи силу, если ты бог. Здесь и сейчас.

Я перевел Рэйчел суть — двумя словами, чтобы не тянуть.

— Я не пришел показывать силу, — сказал я старосте. — Я пришел найти то, что потерял.

— Хватит. — Он не повысил голоса, но слово упало как камень. — Двадцать лет я держу этих людей. Двадцать лет я учу их полагаться на свои руки, а не на сказки. Кормить детей, а не жечь подношения. Строить стены, а не ждать чуда. А теперь ты пришел и назвался именем, которое я двадцать лет выбиваю из их голов.

Молодой охотник с перьями колибри шагнул вперед.

— Шолла, нужно позвать хранительницу. Таков закон предков — если кто-то называется именем Китахи...

— Закон предков. — Шолла произнес это так, будто каждое слово весило по тонне. — Хранительница. Полоумная старуха, которая тридцать лет кормит моих людей сказками о боге, который вернется и все исправит. Очень удобно — ждать, пока кто-то придет и спасет, вместо того чтобы спасать себя самим. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидел не злость, а страх. Страх за тех, кто стоял у него за спиной и уже начинал перешептываться. — И я не позволю тебе обмануть мой народ.

Разговор уходил не туда. Я перестал переводить Рэйчел и чуть расслабил плечи, позволив лицу принять спокойное выражение — пусть она видит, что все в порядке, что это просто разговор, что вождь немного горячится, но ничего страшного.

От людей с каменными копьями я мог отбиться за секунды, и я знал это так же твердо, как и то, что убивать людей, которые защищают свой дом от чужака, я точно не собирался. Шолла боялся за свой народ. Я мог его за это уважать.

Шолла повернулся к охотникам.

— Женщину и ребенка — к матерям. Накормить.

Я повернулся к Рэйчел и перевел — спокойно, с улыбкой, которую старался сделать убедительной.

— Он просит, чтобы ты с Лили пошла к женщинам. Накормят, напоят. Все нормально, просто у них так принято — мужские разговоры отдельно.

Она побледнела и шагнула ко мне.

— Люк, я не оставляю...

— Рэйчел, — я положил ей руку на плечо и чуть сжал, глядя в глаза. — Здесь не обижают женщин и детей. Мне нужно поговорить с ним один на один — ему проще будет без чужаков за спиной. Иди с Лили. Я разберусь.

Она искала что-то в моем лице — наверное, тень сомнения или страха, и не нашла. Стиснула челюсть, кивнула и позволила женщинам увести себя. Лили обернулась на ходу и посмотрела на меня — серьезно, внимательно, совсем не по-детски.

Шолла молчал, пока они не скрылись за домами. Стоял, скрестив руки, и ждал. Потом повернулся к охотникам и заговорил — негромко, коротко, будто отдавал команду, которую уже принял давно.

— Столб. Хворост. Масло.

Молодой охотник с перьями колибри дернулся вперед.

— Шолла, ты не можешь...

— Могу. — Шолла даже не посмотрел на него. — И сделаю это сейчас, пока чужая женщина и ребенок не видят. У нас хватит милосердия избавить их от этого зрелища.

Охотники двигались быстро. Столб вкопали в считанные минуты, хворост обложили вокруг, и тяжелый маслянистый запах из глиняных кувшинов поплыл по площади. Люди собирались молча, вставая полукругом в отдалении. На лицах читалось не предвкушение, а тяжесть.

Они не хотели этого. Но Шолла решил, и за двадцать лет они привыкли, что Шолла решает правильно.

Я подошел к столбу сам. Охотники переглянулись — они ожидали сопротивления, крика, мольбы — но я повернулся спиной к дереву и дал себя привязать. Веревки впились в запястья, грубые, пропитанные чем-то смолистым. Охотник слева плеснул маслом на хворост, и тяжелый запах пополз по площади.

Я смотрел на Шоллу и думал — не посмеет. Он испытывает меня. Хочет увидеть страх, хочет, чтобы я закричал и признался в обмане. Можно приговорить чужака, можно связать и бросить в яму, но сжечь живого человека на глазах у всей деревни — это другое.

Но даже если я ошибаюсь — я не боялся. Откуда-то шла тихая уверенность, что здесь со мной ничего плохого не случится. А если вдруг и случится — я смогу разорвать эти веревки так же легко, как разорвал наручники в детском доме, отбиваясь от бандитов. А ожоги залечу меньше чем за минуту. Я решил пополнить запас силы из эфира — давно этого не делал и чувствовал, что он почти исчерпан. Как всегда, я потянулся к эфиру, послал легкий импульс своей силой и почувствовал, как он отозвался. Я потянул, и эфир потек в меня медленным ровным потоком, пока Шолла произносил свой приговор.

— Ты назвался священным именем, — произнес он так, чтобы слышали все. — Ты не доказал свою правоту. Хранительница всю жизнь твердила нам про испытание огнем. Что ж, дадим ей это испытание. Посмотрим, что скажет огонь.

Факел ткнулся в хворост.

Масло занялось мгновенно — огонь рванул вверх с утробным гулом, и жар ударил в лицо, в грудь, в руки. Настоящий жар. Настоящее пламя. Хворост трещал и плевался искрами, и дым повалил такой густой, что на секунду я перестал видеть площадь.

Тело дернулось в веревках раньше, чем я успел подумать. Сила рванулась из груди, готовая вышибить все вокруг — столб, веревки, огонь, людей. Я сжал зубы и удержал ее. Едва. Пальцы впились в столб за спиной так, что дерево затрещало под ними.

Секунда. Две. Три.

Огонь лизал мне руки, поднимался по рубашке, обтекал лицо. Я ждал боли — острой, невыносимой, от которой кричат. Боли не было. Жар был — мягкий, обволакивающий, почти ласковый. Пламя обтекало кожу, как теплая вода обтекает камень, и пахло при этом не горелой плотью, а смолой и чем-то древесным, чистым.

Я не горел.

Я стоял в огне и не горел.

Сила, рвавшаяся наружу, медленно улеглась. Я разжал пальцы, чувствуя вмятины, которые оставил на столбе, и выдохнул. Вокруг меня ревело пламя, а внутри наступила странная, звенящая тишина. Я не понимал, почему огонь меня не трогает. Но я чувствовал — это место. Что-то в этом мире, в этой земле под ногами, в этом воздухе защищало меня. И я решил подождать. Посмотреть, что будет дальше.

И тогда сквозь рев пламени я услышал голос. Тихий, надтреснутый, идущий откуда-то с края площади. Женщина шептала что-то ритмичное, похожее на молитву, и слов я разобрать не мог, но от этого шепота что-то в груди заныло — будто тело помнило то, что забыла голова.

Сквозь огонь я увидел фигуру. Она шла прямо ко мне, шепча свою молитву, и каждый шаг давался ей с такой болью, что я чувствовал ее даже сквозь пламя. Старое, измученное годами тело, скрюченное и высохшее, которое она заставляла двигаться одной только волей, вцепившись в посох побелевшими пальцами. Люди расступались перед ней, и даже сквозь жар и дым я различал на их лицах суеверный страх.

— Уберите ее! — голос Шоллы прорвался сквозь треск огня.

Двое охотников шагнули к ней, но она прошла между ними, даже не повернув головы, и они замерли, не посмев коснуться. Она шла прямо ко мне уверенно, будто видела то, чего не видел больше никто.

Остановилась у самого края огня. Подняла голову. Мутные глаза нашли мои сквозь пламя, и в них мелькнула искра узнавания. Она переменилась в лице.

— Это он, — выдохнула она и повернулась к Шолле. Голос ее сорвался на крик: — Как ты посмел?!

И шагнула ко мне, в огонь.

Ее сухие пальцы вцепились в уже почти сгоревшие веревки на моих запястьях. Она рвала узлы с быстротой и точностью, которых в этих руках быть не могло, и шептала, шептала свою молитву, не останавливаясь ни на секунду. Огонь обтекал нас обоих, и я чувствовал, как пламя касается ее плаща, ее волос — и не трогает.

Веревки упали. Я взял ее за руку — невесомую, тонкую — и шагнул вперед.

Огонь расступился перед нами.

Мы вышли из пламени, и первое, что я увидел — лицо Шоллы. Белое. Рот приоткрыт, но звука не было. За его спиной кто-то вскрикнул, кто-то тяжело рухнул ниц, и этот звук покатился по площади волной — один за другим люди опускались на землю.

Старуха отпустила мою руку и упала передо мной на колени. Все тело ее тряслось.

— Прости, повелитель... — голос сорвался, хрипел, ломался. — Я не смогла сохранить веру. Мне не хватило сил... Прости меня и предай забвению...

Я положил руку ей на голову. Не думая. Рука легла сама — привычным движением, которого я не помнил, но которое тело знало лучше, чем мое имя. Я потянул силу из груди и направил в ладонь — мягко, осторожно, как направлял в Контере, когда лечил раненых. Хотел просто унять боль в этих разбитых суставах, в этой скрученной спине.

Сила хлынула. Не тонким ручейком, а потоком — горячим и живым. Она текла через мою руку, и я не мог ее остановить, да и не хотел, потому что чувствовал, как тело под моей ладонью пьет эту силу жадно, ненасытно, будто ждало ее десятилетиями.

Я откинул укрывавший ее голову капюшон. По седым спутанным волосам покатила золотая волна, превращая их в живое тяжелое золото, морщины посыпались с лица песком, а согнутая спина распрямлялась. Пыльный бесцветный плащ наливался чернотой, густой и глубокой, как самая темная ночь, а подкладка вспыхнула фиолетовым — тем самым оттенком, которым наливалось небо Контеры в закатный час.

На ее груди что-то блеснуло. Амулет на цепи — четырехконечная звезда, в центре круг, а в круге ангел с раскрытыми крыльями. Металл потемнел от времени, но под потоком силы ожил и засиял, и на мгновение мне показалось, что крылья ангела дрогнули.

Сила иссякла сама, мягко, как река входит в озеро. Я убрал руку.

На коленях передо мной стояла молодая женщина. Зеленые глаза, яркие и мокрые от слез. Золотые волосы до плеч. Черный плащ с фиолетовым подбоем лежал на ее плечах так, будто был пошит на нее вчера. Она смотрела на меня снизу вверх, и я не узнавал ее, но что-то внутри меня — глубже памяти, глубже имени — знало, кто она.

— Встань, — сказал я. — Ты ни в чем не виновата.

Площадь молчала. Все стояли на коленях — охотники, старики, женщины, дети, замершие на лестницах домов. Я не видел, когда они опустилились. Угли тлели за моей спиной, и легкий дым поднимался в перламутровое небо.

Шолла стоял один. Лицо у него дрожало, и двадцать лет уверенности уходило из него с каждым выдохом. Ноги подломились, и он упал на колени тяжело, всем весом, и из горла его вырвался звук — глухой и рваный, будто внутри что-то лопнуло.

— Прости... — выдавил он.

— Поднимись, — сказал я. — Ты защищал свой народ. В этом нет вины.

С края площади донесся топот. Рэйчел бежала к нам, а за ней, не выпуская ее руки — Лили. Рэйчел остановилась в нескольких шагах, и я видел, как ее взгляд метнулся от молодой женщины в черном плаще к обугленному столбу, от коленопреклоненной толпы к Шолле, который поднимался с земли с мокрым лицом. Она открыла рот, закрыла, потом медленно опустилась на ступеньку ближайшего дома и уперлась ладонями в колени, будто ноги отказали. За все время, что я ее знал, Рэйчел Коулман не терялась ни разу, и сейчас она не терялась тоже — она просто переждала, пока мир вокруг снова станет чем-то, что можно уложить в голове.

Лили стояла рядом с ней и смотрела на меня. Она не села, не прижалась к Рэйчел — стояла прямо, и на лице ее было тихое спокойное узнавание. Потом она перевела взгляд на молодую женщину в черном плаще, и губы ее шевельнулись, будто она хотела что-то сказать, но передумала и просто улыбнулась — едва заметно, одними уголками рта.

Молодая женщина в черном плаще поднялась с колен и встала рядом со мной. Слезы высохли. Зеленые глаза смотрели на меня — спокойно, выжидающе. Минуту назад она была умирающей старухой. Сейчас она ждала, что я скажу, и в ее взгляде читалась уверенность человека, который знает обо мне больше, чем я сам.

Я повернулся к ней.

— Кто ты?

Глава 4: Кир'Элина

Площадь пахла горелым маслом и мокрой золой. Ветер гнал по земле легкие хлопья пепла, и они оседали на коленях людей, которые все еще не решались подняться.

Женщина стояла передо мной. Золотые волосы падали на плечи, зеленые глаза смотрели на меня не мигая, а черный плащ с фиолетовым подбоем чуть шевелился на ветру. На груди висел амулет — четырехконечная звезда, в ней круг, а в круге ангел с расправленными крыльями. Губы чуть подрагивали, и она пыталась что-то сказать, но не могла — слова застревали где-то на полпути.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она вздрогнула. Отшатнулась, будто от удара. Губы приоткрылись, по ним прошла мелкая дрожь, прежде чем она смогла заговорить.

— Зиора, — тихо ответила она. И добавила, почти шепотом: — Хранительница Шаэль-тара.

— Зиора, — повторил я. Но ее имя ничего во мне не шевельнуло. Не было даже тени узнавания.

Она кивнула — быстро, судорожно, будто боялась, что если замешкается, то не сможет больше держаться. В глазах мелькнула надежда — и погасла, когда встретила мой пустой взгляд.

— Ты... ты меня не помнишь? — прошептала она.

— Нет. Прости.

Она закрыла глаза. Стояла так несколько секунд — неподвижно, только пальцы нашли амулет на груди и сжали его так, что цепочка натянулась. Когда открыла — слез уже не было. Было что-то другое, чему я не мог подобрать слова. Не злость и не обида, скорее растерянность человека, который готовился к этой встрече всю жизнь, а она пошла не так с первой секунды.

Потом подняла голову. Я видел, что она успела собраться, и лицо ее было уже почти каменное.

Я понял, что для этой женщины когда-то значил очень много, и она ожидала совсем не вопроса о том, как ее зовут.

— Зиора, так случилось, что я не помню кто я. Но вижу, что ты знаешь.

— Что ты помнишь? — спросила она. Голос ее был ровный, но я слышал, чего ей стоила эта ровность.

Я задумался. Что я, собственно, помнил? Имя. Мир, в котором жил и не помнил себя в нем. И больше ничего.

— Свое имя. Люк. Больше почти ничего.

— Люк, — повторила она, и в этом коротком слове смешалось столько всего — боль, нежность, страх, — что я не смог разобрать ничего по отдельности.

Она отвела взгляд и несколько секунд смотрела куда-то мимо меня, поверх голов коленипопреклоненных людей. За ее глазами что-то происходило — быстрое, лихорадочное, будто она просчитывала варианты и отбрасывала один за другим. Потом лицо ее стало спокойным, почти неподвижным, и я понял, что она приняла какое-то решение.

— Что это за место? — спросил я. — Эти люди называли меня Китаха. Что это значит?

Зиора качнулась вперед, будто хотела шагнуть ко мне, и остановилась. Пальцы все еще держали амулет.

— Так тебя здесь знают, — сказала она наконец. — Это твое имя. Здесь.

— Здесь — это где?

— Шаэль-тар.

Слово повисло в воздухе, незнакомое и одновременно теплое, как название дома на языке, который ты когда-то знал, но забыл.

— Что такое Шаэль-тар?

— Твое место. Ты его создал.

Я посмотрел на площадь, на дома на сваях, на перламутровые деревья за крышами, на небо без солнца, которое светилося само по себе мягким жемчужным светом.

— Я создал все это?

— Все это, — подтвердила Зиора. — И намного больше.

— Когда?

Она не ответила. Только чуть сжала губы и опустила взгляд.

— Я вижу, что ты знаешь, — сказал я тихо. — Я это чувствую. Ты знаешь намного больше, чем говоришь.

Зиора подняла на меня глаза, и в них было столько всего, что мне пришлось отвести взгляд первым. Боль, нежность, страх — и что-то похожее на мольбу.

— Я сама пока не все понимаю, — сказала она. — Мне нужно время разобраться.

Это была ложь. Или, точнее, не вся правда — я чувствовал это так же отчетливо, как чувствовал тепло от догорающих углей за спиной. Она знала. Знала все или почти все, и по какой-то причине не хотела говорить. Не потому что не доверяла, а по какой-то другой, более глубокой причине, до которой я пока не мог добраться.

Я посмотрел на нее долгим взглядом. Она не отвела глаз, но я видел, как напряглись мышцы ее шеи, будто она удерживала себя от того, чтобы не заговорить.

— Хорошо, — сказал я. — Но мы к этому вернемся.

Это было не согласие, и она это поняла. Это было предупреждение.

— А огонь? Почему он нас не тронул?

— Здесь тебе ничто не может причинить вред, — сказала она тихо. — И тому, кто рядом с тобой, — тоже.

— Почему?

Зиора помолчала, подбирая слова.

— Потому что это место — часть тебя, — произнесла она. — Оно помнит тебя, даже если ты не помнишь его. Тебе нужно увидеть Кир'Элину. Твой настоящий дом.

Я хотел спросить еще, но тут Зиора повернула голову. Взгляд ее стал острым, внимательным — она смотрела куда-то за мое плечо, и в этом взгляде проступила настороженность, которой раньше не было.

Я обернулся.

Рэйчел шла через площадь. Лили держалась за ее руку и вертела головой во все стороны — деревья, дома на сваях, небо, люди на коленях — все было ей интересно одинаково. Рэйчел шла иначе — быстрым шагом, подбородок чуть опущен, плечи напряжены. Так она наверное ходила по офису, когда чуяла проблему и шла ее решать.

По дороге к нам она смотрела по сторонам. Ее взгляд прошелся по площади — столб с обрывками обгоревших веревок, угли на земле, пепел, десятки людей на коленях, и все они смотрели в нашу сторону. Она чуть замедлила шаг у столба, посмотрела на угли, на веревки, выпрямилась и ускорила шаг.

Люди расступались перед ней — не от страха, а с почтением и любопытством. Рэйчел чуть приподняла плечи, будто чужие взгляды ложились на них физическим весом.

Местные дети заметили Лили раньше, чем она заметила их. Трое или четверо подбежали и остановились перед ней, разглядывая ее кроссовки с таким вниманием, будто это были артефакты погибшей цивилизации. Один мальчишка осторожно потрогал светоотражающую полоску, потом дернул шнурок — и Лили расхохоталась так заразительно, что несколько детей засмеялись в ответ, еще не понимая, чему смеются. Второй мальчишка, посмелее, стащил с

ее ноги кроссовок и рванул прочь — Лили с визгом погналась за ним между домами, и через секунду за ними неслась вся стая. Рэйчел проводила их взглядом и не двинулась — она видела, что здесь безопасно, и ей хватило ума это принять.

— Кто это? — быстро спросила Зиора, проводив Рэйчел взглядом.

— Они со мной.

Зиора коротко кивнула и приняла мой ответ без лишних вопросов.

Рэйчел подошла и остановилась рядом, переводя взгляд с меня на Зиору и обратно на площадь. Взгляд ее задержался на молодой незнакомой женщине в черном плаще, которая держалась рядом со мной так, будто имела на это больше прав, чем кто-либо из присутствующих.

— Что здесь произошло? — спросила она, окидывая взглядом площадь.

— Местный обычай, — сказал я. — Что-то вроде ритуала.

Рэйчел перевела взгляд на людей, потом снова на столб, потом на меня. За ее глазами выстраивалась цепочка, в которой не хватало половины звеньев.

— А то, что они все стоят на коленях и смотрят на тебя так, будто ты спустился с небес — это тоже местный обычай?

— Видимо, да. Я сам пока не понимаю, Рэйчел.

Она сжала губы и покачала головой. Было видно, что у нее нет объяснений для того, что она видит, а привычная картина мира трещит по швам.

— Рэйчел, — сказал я, и постарался, чтобы голос звучал спокойно, уверенно. — Я не знаю, что здесь происходит. Честно не знаю. Но как только пойму — ты узнаешь первой. Мне нужно, чтобы ты мне сейчас поверила и набралась терпения. Можешь?

Она смотрела мне в глаза несколько долгих секунд, и я чувствовал этот взгляд почти физически, словно решала, можно мне доверять или нет. Искала ложь и не находила, потому что ее не было.

— Могу, — сказала она наконец. — Но недолго.

Я кивнул. Этого пока хватит.

Вокруг меня площадь постепенно оживала. Дети осмелели первыми — начали подтягиваться, трогать меня за руки, за одежду. Мальчик лет пяти погладил мне запястье и спросил шепотом:

— Ты настоящий?

Я присел.

— Настоящий.

Он потрогал мою щеку и обнял за шею. Руки у него были теплые и пахли чем-то травяным. За ним потянулись другие — сначала дети, потом взрослые. Женщина подошла сбоку, поклонилась Рэйчел и обняла меня, прижавшись щекой к моему плечу, и я почувствовал, как она дрожит. Вторая подошла спереди, взяла мое лицо в ладони и заглянула в глаза — долго, пристально, будто искала что-то за зрачками. Мужчина положил мне руку на плечо и сжал — молча, крепко. Кто-то тронул за спину, кто-то погладил по руке. Они подходили со всех сторон, и от каждого прикосновения шло тепло — не физическое, а какое-то другое, глубинное, как будто они отдавали мне что-то, что копили годами.

Я не знал, что делать с этим доверием, которое обрушилось на меня со всех сторон. Не заслужил его, не просил, не понимал. Но и оттолкнуть не мог — потому что чувствовал, что для этих людей мое появление было чем-то, чего они ждали всю жизнь.

Рэйчел стояла в трех шагах и смотрела на все это. Я поймал ее взгляд поверх голов — и увидел в нем выражение человека, которому только что сказали, что Земля квадратная, и показали углы.

Шолла стоял один. Ожерелье из клыков лежало на земле у его ног. Он смотрел на Зиору и явно хотел оказаться где угодно, только не здесь. Двадцать лет он помышлял этой женщиной

— а теперь она стояла рядом со мной, молодая и сияющая, и этот контраст был для него хуже любого приговора.

Я осторожно высвободился из рук, поднялся и подошел к нему.

— Пойдем. Поговорим.

Мы сели на плоский камень у обрыва, откуда открывался вид на водопад. Зиора встала за моим плечом — не рядом, чуть позади. Она не собиралась отходить, и я не стал просить.

Шолла молчал, собираясь с духом. Я смотрел на водопад и думал о том, что все это уже было. Не здесь, не с этими людьми — но было. Роль, которую тебе отводят, не спрашивая. Люди, которые решили за тебя, кто ты. В Контере я не стал с этим спорить — просто делал то, что считал правильным, а они видели в этом подтверждение своей веры. Работало. Здесь, похоже, придется так же.

— Что теперь будет с нами? — тихо спросил Шолла. Голос у него сел, и он прочистил горло, но лучше не стало.

— Ничего особенного. Вы будете жить как жили. Просто теперь я буду чуть ближе.

— Но я... — он сглотнул, и адамово яблоко дернулось вверх-вниз. — Я заставлял людей слушаться. Страхом. Угрозами. Я чуть не сжег тебя, Китаха.

— И при этом двадцать лет заботился о своих людях.

Он поднял голову. Не ожидал.

— Ты не тиран, Шолла. Ты человек, который тащил на себе больше, чем мог унести, и тащил как умел. — Я помолчал. — Но теперь попробуй иначе. Не гнать людей перед собой, а идти так, чтобы они сами захотели идти следом. Не потому что боятся — потому что верят и хотят быть похожими на тебя.

Он молчал долго. Вода падала с уступа, билась о камни внизу, и мелкие брызги поднимались обратно вверх, будто не хотели сдаваться.

— Я постараюсь, — сказал он.

Мы обнялись. Его руки были жесткие и горячие, и он держал меня крепко — как человек, который боится, что если отпустит, все окажется сном.

Потом он пошел к столам, где люди уже накрывали обед. Я смотрел ему в спину — широкую, чуть ссутулившуюся — и думал о том, что история повторяется.

— Ты все это время была здесь? — спросил я, не оборачиваясь. — Все двадцать лет?

— Намного дольше, — ответила Зиора. И замолчала так резко, будто сама испугалась того, что сказала.

Обед получился коротким. Здравницы полетели одна за другой — за Китаху, за Повелителя ветров. Я кивал и улыбался, потому что других вариантов не было. Рэйчел сидела напротив, и на ее лице читалось то же выражение, что я видел на корпоративных банкетах, когда менеджеры перебивали друг друга здравницами начальству. Она поймала мой взгляд — мол, ты серьезно? Я чуть пожал плечами. Она закатила глаза.

Поднялся первым.

— Спасибо. Но нам пора.

Рэйчел догнала нас, когда мы уже были за последним домом на сваях.

— Люк. Кто ты для этих людей? Они кланяются. Кричат здравницы. Она ходит за тобой как телохранитель. Я три года вела твои дела, и мне казалось, что я тебя знаю. Сейчас мне так не кажется.

Я промолчал. Не потому что не хотел ответить — я сам не знал.

Зиора повернулась к Рэйчел.

— Все. Он для них все.

Рэйчел качнула головой.

— Но кто он на самом деле?

— Ты даже представить себе не можешь.

— Пойдемте, — сказал я. — Зиора, веди.

Мы вошли в лес. Тропа петляла между деревьями, чьи белесые стволы светились изнутри мягким перламутровым светом. Воздух пах морской солью и чем-то медовым, для чего на Земле не существовало названия. Под ногами пружинил серебристо-зеленый мох, и шаги тонули в нем беззвучно.

— Ты говорила про мой дом. Он далеко?

— Кир'Элина. Полдня пути.

— У нас нет полдня.

Зиора чуть улыбнулась — первая улыбка, которую я от нее видел, короткая, но настоящая.

— Для тебя есть короткий путь.

Шли быстро. Зиора не оглядывалась, мы не отставали.

Кир'Элина появилась без предупреждения. Только что вокруг был лес — а в следующее мгновение деревья расступились, и передо мной стоял дворец. Три этажа из лунного камня — молочно-белого, с голубоватым мерцанием, которое медленно перетекало по фасаду. Широкие лестницы поднимались к парадному входу, колонны обрамляли арки и террасы, а вставки из голубого лазурита тянулись по карнизам и оконным проемам, отчего весь дворец казался сотканным из неба и лунного света. Богатая лепнина, воздушные балюстрады, изящные линии — и глядя на все это, я вдруг подумал, что лучшие дворцы Земли, барочные шедевры Расстрелли и Бернини, были лишь попыткой смертных мастеров повторить то, что они когда-то видели во сне, — и не преуспели.

В арочных проемах горели витражи из янтаря и лазурита, и от них шел тихий звук — не ветер и не музыка, а что-то среднее, похожее на пение без слов.

Между нами и дворцом раскинулся парк. Клумбы с незнакомыми цветами тянулись вдоль дорожек — белые и сиреневые, красные пирамиды, растущие друг из друга, а самые странные парили в воздухе над раскрывшимися стеблями, медленно распускаясь в огромные оранжевые лилии. Над ними носились существа, похожие на колибри, но ярче и совершенно не боявшиеся нас. Фонтаны из лунного камня ожили, когда мы ступили на первую дорожку — вода поднялась из чаш и заиграла, будто почувствовала кого-то.

И тут появились они.

Из-за деревьев парка, бесшумно, будто ждали сигнала. Земля под ногами вздрогнула, когда первые вышли на дорожку — под три метра ростом, с головами быков на могучих телах. На них были серебряные доспехи с золотой чеканкой, а мечи на поясах были такой длины, что человеку каждый из них сошел бы за двуручный. Они двигались медленно и тяжело, и от каждого их шага фонтаны отзывались рябью.

За ними вышли другие — пониже, но не менее грозные. Человеческие лица, закрученные бараньи рога, длинные уши торчали из-под шлемов. За спинами у них висели парные мечи, рукояти которых торчали над плечами.

Последними появились самые легкие — с козлиными рожками и заостренными ушами, с луками выше собственного роста. Они единственные не сотрясали землю и скользили по траве, не приминая ее.

Их были десятки. Они заполнили парк — молча, строем, и от этого молчания делалось не по себе больше, чем от их размеров.

Я не знал, кто они. Не помнил, видел ли когда-нибудь подобных существ. Но не испугался — и это было странно, потому что пугаться было чего.

Зиора шагнула вперед.

— Таурены, гириды и кериды. Стражи Кир'Элины.

Она произнесла мое имя с нажимом — негромко, но так, что оно повисло в воздухе. Все до единого опустились на одно колено. Земля вздрогнула от слитного удара десятков бронированных коленей о камень, и эхо прокатилось по стенам дворца.

— С возвращением! — ответили они хором, так, что витражи зазвенели.

Лили стояла между мной и Рэйчел, задрав голову так, что казалось — сейчас опрокинется назад. Потом медленно повернулась ко мне, и в ее глазах было то, чего я не видел ни разу за все время — полное, абсолютное, безоговорочное счастье. Сказка, в которую она провалилась утром, оказалась бездонной.

Рэйчел стояла неподвижно, уронив руки вдоль тела. Три года счетов, перелетов, страховок, жертвований — и вот это. Она побледнела, но держалась.

— Я не боюсь, — сказала она, когда Зиора тронула ее за локоть. — Я пытаюсь понять.

Внутри дворца от каменного пола шло тепло — мягкое, живое, как от нагретого солнцем песка. Воздух пах иначе, чем снаружи — теплый камень, что-то цветочное и едва уловимый привкус озона, как после грозы. Холл уходил вверх на три этажа, под потолком висела люстра из хрусталя и света, от нее по стенам бежали радужные блики. Лестницы расходились от холла — одни строгие, с перилами из лунного камня, и другие, совершенно невозможные, чьи ступени висели в воздухе без опоры, без крепления и без видимой причины.

По одной из висящих лестниц спустилась девушка с черными волосами, отливавшими синевой. Двигалась она бесшумно — казалось что ноги не касались ступеней, а плыли над ними. Большие янтарные глаза смотрели внимательно, и в каждом ее жесте читалась пантера — грациозная, осторожная, готовая в любую секунду раствориться в тенях. В руках она несла что-то завернутое в темную ткань с серебряной вышивкой.

Следом по соседней лестнице — обычной, с резными балясинами — спустилась вторая. Серебристо-полосатые волосы были собраны высоко, спина была прямая, а голова поднята с тем достоинством, которое бывает только врожденным. При каждом шаге по ступеням раздавался звонкий перестук, словно серебряные копытца касались камня. Она несла на вытянутых руках резной поднос.

Имена не говорили мне ничего. Но образы — пантера, зебра — возникали сами, без усилия, будто кто-то когда-то вложил их в меня и забыл вынуть.

— Лианэа, — сказала Зиора. — Хранительница тишины дворца.

Лианэа склонила голову и протянула сверток Лили. Девочка развернула ткань — внутри лежала заколка в форме колибри, крошечная и невесомая, с крыльями из чего-то похожего на опал. Лили погладила птичку по голове — крылья сложились. Провела пальцем по спинке — расправились, и по ним пробежала волна радужного света. Лили прижала заколку к груди, потом сняла свою старую заколку-птичку и бережно убрала в карман платья. Не выбросила. Я заметил.

Второй подарок лежал в том же свертке — серебристая бутербродница с витиеватым узором из цветов, а в центре крышки красовался крупный цветок с раскрытыми лепестками.

— Подумай о том, что хочешь съесть, и открой, — сказала Лианэа.

Лили закрыла глаза на секунду, потом открыла крышку — внутри лежало лимонное пирожное, теплое, пахнущее цедрой. Лили ахнула.

— Три раза в день, — Лианэа коснулась цветка на крышке. — Каждый раз один лепесток закрывается. Когда цветок станет бутоном — жди следующего дня.

Лили кивнула серьезно, по-взрослому, и убрала бутербродницу в карман.

— Эвримель, — сказала Зиора. — Хранительница гармонии и равновесия.

Эвримель остановилась перед Рэйчел и протянула поднос. На нем лежал кулон на тонкой цепочке — прозрачный красный кристалл, похожий на рубин, но вытянутый и граненый, как кварц. Внутри камня что-то мерцало — не отражение света, а собственное теплое свечение, будто в кристалле теплилась живая искра.

— Подарок дома — для гостыи дома, — сказала Эвримель.

Рэйчел взяла кулон и перевернула в пальцах. Искра внутри качнулась, как пламя свечи.

— Спасибо, — сказала она тихо. Первый раз за все время тут она не пыталась анализировать, просто поблагодарила.

Зиора привела нас на третий этаж — к двери из темного дерева с золотыми инкрустациями. Под ногами пол чуть вибрировал, будто где-то глубоко внутри дворца билось огромное медленное сердце.

— Твой кабинет, — сказала она и толкнула дверь.

Я переступил порог — и меня накрыло.

Сначала тьма. Потом свет — теплый, белый, со всех сторон. В этом сиянии возникла фигура. Рыцарь в доспехах, сотканных из самого света. Лица не было видно, но пронзительно синие глаза смотрели прямо в душу. За спиной развевался плащ, похожий на крылья. Голос звучал отовсюду одновременно:

— Ты нашел свою «норку» — место, созданное тобой для себя и тех, кого ты захочешь сюда привести. Это значит, что все идет по плану. Здесь есть кое-что для тебя. Найди это. Оно позволит тебе управлять энергиями, воплощать свою волю и замыслы. Но будь осторожен в своих желаниях. Ибо то, что ты создаешь — отражение того, что у тебя в сердце. И только от тебя зависит, что там — тьма или свет.

Свет начал меркнуть. Синие глаза прожигали насквозь, оставляя след, который я чувствовал физически — горячую точку где-то за грудиной. Потом все исчезло.

Я стоял в дверях кабинета. Рука держалась за косяк — видимо, схватился, когда накрыло. Не знаю, сколько это длилось — секунду или минуту.

— Люк? — голос Рэйчел звучал напряженно. — Ты побледнел. Что с тобой?

Зиора стояла рядом. Она не спрашивала, в порядке ли я, а смотрела на меня так, будто уже знала ответ.

— Что ты видел? — тихо спросила она.

— Белого рыцаря. В доспехах из света. Он сказал, что здесь, во дворце, есть что-то для меня. Что-то, что позволит управлять энергиями и воплощать волю.

Зиора не шелохнулась. Только цвет ее лица изменился — побледнела до белизны лунного камня, из которого был построен этот дворец. За ее глазами пронеслось что-то огромное — понимание, страх, радость, все разом.

— Печати, — сказала она наконец, очень медленно. — Ты не получаешь новое. К тебе возвращается то, что было всегда твоим. Ты все-таки сделал это.

Она замолчала. Я видел, чего ей стоило не сказать больше.

— Но это лишь моя догадка, — добавила она еле слышно.

Рэйчел переводила взгляд с меня на Зиору и обратно. Давление в ней нарастало — слишком много непонятого за один день. Она сжала губы и промолчала, но я знал, что это ненадолго.

— Ладно, — сказал я. — Нужно искать.

Я вошел в кабинет и огляделся. Стиль был изящный и воздушный, без вычурности. Золото присутствовало тонко, деликатно — в тонких рамках на стенах, в завитках на ножках стола. Кресла стояли полукругом возле камина, в котором играл бездымный огонь странного голубоватого цвета. Высокие книжные полки тянулись вдоль стен до потолка, и на них стояли тома в красивых переплетах. Все здесь дышало спокойствием, но ничего не казалось мне знакомым.

— Красиво, — сказал я. — Но я не помню, чтобы обставлял это место.

Подождал к полке, взял книгу в кожаном переплете с золотым тиснением. Страницы были совершенно пустыми. Вторая книга оказалась такой же. Третья — тоже пустая.

— Зачем держать пустые книги?

Зиора задержала взгляд на книге в моих руках. Пальцы ее потянулись к корешку, но она одернула руку.

— Они не пустые, — сказала она тихо. — Они еще не готовы, чтобы ты их прочитал.

Я не понял, но не стал настаивать. Поставил книгу на место и подошел к столу.

На нем стоял хрустальный шар на подставке — не круглый, а граненый, с мелкими частыми гранями. Рядом лежали письменные принадлежности, россыпь ограненных камней в деревянной чаше, увеличительное стекло.

А в центре стола стояла статуэтка — небольшая, из черного металла. Рыцарь с мечом сражался с огромным волком, вставшим на задние лапы. Волк оскалился и выпустил когти, рыцарь замахнулся — оба застыли в моменте, когда исход боя мог качнуться в любую сторону.

Я проверил все по очереди — шар, камни, бумаги, — но ничего не откликнулось, все оставалось мертвым.

Статуэтка. Я протянул руку и коснулся рыцаря.

Рука прошла сквозь металл.

Статуэтка задрожала и начала расплываться — черный дым поднялся с подставки, закрутился вокруг пальцев и потянулся к ладони. Он был теплый, но не горячий, и втянулся в кожу, как вода в сухой песок. Последние завитки исчезли, и на столе осталась пустая подставка.

Я посмотрел на ладонь — ни следов, ни отметин. Попытался почувствовать что-то новое, но ничего не ощутил.

— Что это было?

Зиора стояла в дверях и не выглядела удивленной.

— Ты нашел то, что искал, — сказала она. — Даже если пока не чувствуешь.

— Я ничего не чувствую.

— Не сразу. Почувствуешь.

Она подошла и коснулась моей руки — легко, кончиками пальцев.

— Пойдем вниз. Твои гости ждут.

Я думал о Меиране — она ждала в квартире на Парк-авеню, а я обещал вернуться до темноты. За окном небо Шаэль-тара розовело, как жемчужина в створках раковины.

— Люк, — подошла Рэйчел, и в ее голосе звучала тревога. — Нам нужно вернуться.

Я повернулся.

— Лили — одна из двадцати, — сказала она. — Уинтерс продавал не только ее. Если они узнали, что она пропала — они вывезут остальных. Сегодня. Может быть, прямо сейчас. Пока мы здесь — там дети.

Зиора молча переводила взгляд с Рэйчел на меня. Она не знала деталей — ни про Уинтерса, ни про торговлю. Но ей хватило одного слова.

— Что происходит? — тихо спросила она.

— Там, откуда мы пришли, взрослые продают детей. Лили была одной из них. Остались другие.

Лицо Зиоры изменилось — не резко, а медленно, как будто что-то темное поднялось со дна и проступило сквозь кожу. Зеленые глаза стали жесткими.

— Тогда идем, — сказала она, и голос ее был ровный, и от этой ровности мне стало не по себе.

— Лили остается здесь, — сказал я. — С хранительницами. Мы идем втроем.

Лианэа склонила голову.

— Ни одно существо не войдет в Кир'Элину без вашего дозволения.

Лили вцепилась в мою руку обеими ладонями — пальцы мелкие, горячие, впились в кожу.

— Ты вернешься?

— Обязательно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она разжала пальцы — медленно, по одному. Лианэа мягко взяла ее за плечи, и Лили позволила себя увести. Овернула только раз — на пороге.

На площадке перед дворцом я остановился и закрыл глаза. Мне не нужно было махать рукой или произносить слова — я это уже знал. Нужно было вспомнить место и почувствовать его.

Парк у «Солнечного берега». Деревья с первой осенней желтизной. Большой камень на поляне, теплый от дневного солнца. Запах скошенной травы и бензина с парковки. Я держал это ощущение, пока оно не стало плотным — и тогда воздух передо мной треснул. Тонкая линия ярко-белого света прорезала пространство сверху вниз, от нее пошел низкий гул, от которого завибрировали витражи дворца за спиной. Трещина расширилась, края разошлись и изогнулись аркой — белое сияние кипело по контуру, как расплавленный металл. Сквозь арку я увидел деревья, обычные, земные, и небо — низкое, вечернее, золотое от заходящего солнца.

— Господи... — выдохнула Рэйчел.

Зиора, не оборачиваясь:

— Девочка, ты еще и не то увидишь.

Я шагнул первым. Воздух сменился — из медового и сладкого на земной, пыльный, с привкусом выхлопных газов. За мной вошла Рэйчел, за ней Зиора. Портал за ее спиной схлопнулся — сияние по краям побежало внутрь, как угасающий бенгальский огонь, сжалось в точку и погасло, не оставив даже ряби.

Мы стояли в глубине парка, за старыми вязами, и здание «Солнечного берега» едва просматривалось сквозь листву. Вечернее солнце висело над верхушками деревьев, бросая длинные косые тени через газон.

Мы вышли на открытое место — и я увидел их первым.

У главного входа стояли два автобуса с затемненными стеклами. Двигатели работали на холостом ходу, и выхлопные трубы чуть подрагивали. Четверо в темной одежде расположились у дверей, у двоих кобуры виднелись под расстегнутыми куртками. Пятый стоял у бокового входа и прижимал к уху рацию. На борту ближнего автобуса белел логотип: «Helios Care Services», белые буквы на синем.

Из здания еще никого не вывели, но все было готово. Женщина в черном стояла у входа с папкой и сверялась со списком — водила пальцем по строчкам и что-то помечала ручкой. Рядом охранник диктовал имена в рацию, и после каждого имени из рации доносилось короткое подтверждение.

Их было много. Я насчитал человек тридцать — в темной одежде, с рациями, рассредоточенных вокруг здания. Третий автобус стоял поодаль, видимо на нем они и приехали. Здание было оцеплено — у каждого выхода, у каждого угла, вдоль забора. Работали молча и профессионально. Никто не должен был выйти и никто не должен был убежать.

Это была отработанная процедура, конвейер, который запускали не в первый раз.

— Нет... — выдохнула Рэйчел.

Я шагнул вперед.

Глава 5: Работа над ошибками

Мы обошли здание с тыла и остановились под деревьями, не выходя из парка. Дальше тянулось открытое пространство — ровная полоса стриженной травы, забор с калиткой, а за ним кирпичное здание детского дома.

— Там слишком много охранников, — шептала Рэйчел, вцепившись мне в рукав. — Они вооружены, в бронежилетах. Нужно вызвать полицию, спецназ...

— Времени нет, — я наблюдал, как двое у калитки лениво переминаются с ноги на ногу, не выпуская из рук короткоствольных автоматов. — Они слишком открыто здесь стоят. Это не те люди, которые любят привлекать к себе внимание. Значит, все решится в ближайшие минуты. Детей увезут.

— Но как мы можем против них? — Рэйчел побледнела. — Их же десятки!

Я молча двинулся к воротам.

— Что ты делаешь?! — она попыталась схватить меня за локоть.

— То, что нужно.

Я шел не прячась и не ускоряя шаг. Аккуратнее. Медленнее. Дай им время. Мне нужно попасть внутрь, а для этого они должны сами меня туда отвести. Подошел к ближайшему охраннику и без замаха ударил его в голову — не в полную силу, ровно настолько, чтобы разозлить. Кулак встретил скулу с коротким глухим хрустом. Охранник покачнулся, но устоял, попытался перехватить автомат. Я замахнулся снова, открывая затылок, давая второму время подбежать.

— Стой, сволочь! — заорал тот, подлетая сзади.

Удар прикладом по затылку. Я упал, позволив телу обмякнуть.

— Тащи его в дом, — донеслось из-за спины. — На улице нельзя оставлять, вопросы будут.

— Может, кончить его?

— Не трогай, дебил. Босс сказал — чужих к нему живыми. Хочет знать, кто послал. Меня схватили под руки и поволокли через ворота.

✱

Рэйчел зажала рот руками, потом судорожно полезла в сумочку.

— Нужно вызвать полицию, нужно вызвать полицию...

Зиора мягко перехватила ее ладонь, отвела от сумки и сжала в своей.

— Они его убьют! — Рэйчел посмотрела ей в глаза. — Ты что, не понимаешь?!

На лице Зиоры появилась легкая ухмылка.

— Не убьют. Они только что пустили лису в курятник.

✱

Меня швырнули на пол. Щека впечаталась в холодный линолеум, во рту стоял привкус крови, а затылок пульсировал тупой горячей болью от удара прикладом. Грубые руки прошлись по карманам, вывернули, ничего не нашли. Наручники стянули запястья за спиной, повязка легла на глаза, и дверь лязгнула снаружи. В нос бил запах — кислый, застарелый пот и оружейная смазка.

За стеной — детские голоса, приглушенные и испуганные.

Я потянулся к силе — она пришла сразу, потекла под кожей теплыми, слегка щекочными потоками, заполнила мышцы, сухожилия, кости. Тело загудело от напряжения. Наручники лопнули — металл просто разошелся, не выдержав. Я сорвал повязку с глаз. Маленькая комната без окон — кладовка или подсобка.

Дверь была заперта на засов снаружи. Я ударил в нее ладонью — она вылетела из петель и впечатала охранника за ней в противоположную стену. Он сполз на пол и затих, не успев даже вскрикнуть.

Дальше я двигался так быстро, что коридор с его мертвенным светом ламп и запахом хлорки размазывался в полосы цвета. Рывок на несколько шагов — и я оказывался за спиной следующего охранника раньше, чем тот успевал повернуться на звук выбитой двери. Удар ребром ладони в основание шеи — тело оседает, подхватываю, опускаю бесшумно. Следующий коридор, следующий рывок. Они стояли слишком близко друг к другу. Несколько секунд — и еще трое лежали без сознания.

За стеной — детские голоса, тонкие, сбивающиеся на шепот. Дети совсем рядом.

Детей я нашел в актовом зале. Двадцать три ребенка, от пяти до четырнадцати, сбившиеся в кучу на сцене. Один охранник стоял спиной ко мне. Два быстрых шага. Я зажал ему рот ладонью и выволок в коридор. Когда я вернулся, дети смотрели на меня огромными глазами.

— Не бойтесь, все будет хорошо, оставайтесь здесь, — сказал я. — Никуда не выходите, пока я не вернусь.

И направился к главному входу.

Снаружи меня ждали.

Два автобуса с тонированными стеклами стояли у ворот. Вокруг них толпились охранники — широкоплечие фигуры в черном, с автоматами наперевес. Их было не меньше тридцати. Они ждали детей.

Я вышел на крыльцо. Двоих у входа вырубил на ходу, даже не замедлив шаг, — локтем одного, коленом второго. Они повалились на ступени, как мешки с песком.

У автобусов стало тихо. Тридцать пар глаз уставились на меня — человека, который только что уложил двоих вооруженных охранников голыми руками и теперь стоял на крыльце, спокойно глядя на них. Никто не двигался. Никто не понимал, что происходит, откуда взялся этот человек. К воротам подъехал бронированный джип — видимо, с главным.

✱

Тридцать автоматов против одного человека на крыльце. Рэйчел вцепилась в ограду парка так, что побелели костяшки пальцев.

— Боже мой, — прошептала она. — Сколько их... Они его убьют.

— Не убьют, — тихо ответила Зиора. Ее глаза были прикованы не к строю автоматчиков, а к Люку. — Они не понимают, на кого подняли свои грязные лапы.

✱

Я смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается что-то темное, тяжелое, абсолютное. Что-то холоднее гнева и точнее ярости. Рождался замысел.

Их нужно стереть.

Они — ошибка. Они несут разрушение, причиняют страдания, ломают то, что строили другие. Самое страшное — они уничтожают тех, кто пришел в этот мир, чтобы сделать его лучше. Детей. Решение было единственным, простым и окончательным: их не должно быть.

Я выплеснул все. Всю злость, все отвращение, весь ужас от того, что творили эти люди — все это хлынуло из меня потоком чистой силы, как лопнувшая плотина. Энергия ударила в землю, прошла сквозь брусчатку и нашла мою тень.

Тень зашевелилась. Отделилась от силуэта и начала подниматься — темная, расплывчатая фигура зверя, встающего на задние лапы. Почти трехметровая. Когти выдвинулись из лап — длинные, как сабли, — и фигура встала по правую руку от меня.

Тень на брусчатке шевельнулась снова. Вторая фигура поднялась слева, выпустила когти и замерла.

А потом из той же тени встал третий. Человек в черных матовых доспехах, с развевающимся черным плащом. В его руке пульсировал синий меч — я чувствовал, что свет меча бьется в такт сердцебиению тех, кто стоял передо мной.

Так вот что значит воплощение замысла силой воли. Статуэтка рыцаря с волком, которую я нашел в Кир'Элине, — она не исчезла, она стала частью меня. И теперь мое намерение обрело плоть.

Троица молча двинулась вперед.

Секунду ничего не происходило. Охранники у автобусов стояли как вкопанные, глядя на трехметровые фигуры, вставшие из тени на крыльце.

— Взять его! — заорал кто-то, и оцепенение лопнуло.

Первые выстрелы прогремели почти одновременно. Автоматные очереди хлестнули по крыльцу, по фигурам.

Черный рыцарь шагнул вперед, закрывая меня собой. За его спиной взметнулся плащ и превратился в непроницаемую стену. Пули с глухим стуком ударялись о плащ, о матовые доспехи и падали к ногам сплюснутыми металлическими лепешками. Не оставляя ни царапин, ни вмятин.

Охотникам пули не причиняли вреда вовсе — они пролетали сквозь них, как сквозь дым.

Два охотника скользнули вперед. Грохот автоматных очередей захлебнулся в визге и крике — звуки смешались в сплошной вой, который поднимался над двором, как дым от пожара. Массивные тени высотой в два с половиной метра двигались с пугающей легкостью — они скользили между людьми, как нож сквозь масло, и те падали, словно скошенная трава. Когти проходили сквозь плоть с едва слышным свистом — три сабли на каждой лапе рассекали все одним движением. Бронежилеты, оружие, тела — все это валилось на брусчатку, а края ран обугливались мгновенно.

Я стоял на крыльце и смотрел, как мои тени делают свою работу. Воздух пах горелым мясом и порохом, крики резали уши, а я стоял и ничего не чувствовал. Вообще ничего.

Кто-то попытался ударить тень прикладом — рука прошла насквозь, а ответный взмах когтей разделил его по диагонали. Передние ряды увидели, как их товарищи распадаются на куски. Началась паника — кто-то попытался развернуться, бежать, но задние все еще рвались в бой, не видя, что происходит, толкая вперед. В давке вопли ужаса смешались с боевыми криками тех, кто еще не понял.

Охотники работали методично. Не было ярости — только холодная эффективность.

Когда последний упал, охотники расступились и застыли. Черный рыцарь двинулся между ними к бронированному джипу. За пуленепробиваемым стеклом главарь сжался в комок.

Синий меч поднялся. Взмах.

Низкий гул прокатился по воздуху — словно само пространство задрожало на грани слышимости. Вибрация, которую чувствуешь костями, а не ушами. Секунда — и тишина.

Джип стоял как ни в чем не бывало — ни вмятины, ни царапины на бронированном корпусе.

✱

— Он же просто махнул мечом в воздухе, — прошептала Рэйчел. — Машина целая. Ничего не произошло...

— Этот меч касается лишь виновных, — спокойно ответила Зиора. — Все остальное для него — пустота. Броня, стекло, металл — он их не видит. Он видит только тех, кто заслужил.

Рэйчел закрыла рот обеими ладонями, глядя на груды тел. Зиора стояла рядом с каменным спокойствием, но смотрела не на джип и не на бойню — на Люка.

✱

Рыцарь потянулся к двери. Взялся за ручку и просто потянул. Бронированная дверь с визгом рвущегося металла отделилась от кузова, и он отбросил ее в сторону, она отозвалась тяжелым грохотом о брусчатку.

Из салона вывалилось тело. Потом, отдельно, выкатилось еще кое-что.

Черный рыцарь повернулся ко мне. Короткий кивок — дело сделано.

— Исправлено, — прошептал я.

Двор молчал. Не было слышно ни стонов, ни хрипов — только ветер шевелил полы черного плаща рыцаря, который все еще стоял возле того, что осталось от джипа.

Охотники растворялись в воздухе — медленно, как тает дым на ветру, их трехметровые фигуры теряли плотность, становились прозрачными и сходили на нет. Рыцарь склонил голову, и его матовые доспехи и черный плащ — все распалось на тысячи черных лепестков, которые поднялись вверх и истаяли в воздухе, словно искры, улетающие от костра. Последним исчез меч — синее свечение мигнуло и погасло.

Меня качнуло. Ноги стали ватными, мир вокруг потерял цвет — на секунду все стало серым и плоским, будто кто-то выкрутил яркость до нуля. Я выплеснул слишком много, опустошил себя до дна. Закрыв глаза и потянулся к эфиру — он потек в меня не сразу, прошло какое-то время, прежде чем я ощутил поток, теплый и густой, как первый вдох после удушья. Сила потекла обратно, заполняя пустоту, и краски вернулись в мир. Через несколько ударов сердца я стоял ровно, и внутри снова была та спокойная мощь, которая говорила: если потребуется — из этой тени встанет целая армия.

Но вместе с силой вернулось и другое. Привкус металла во рту, хотя крови не было. Желудок сжался, к горлу подкатил комок — не от вида того, что лежало вокруг, а от того, что было внутри. Вернее, от того, чего не было. Ни жалости. Ни сомнения. Ни тени раскаяния. Я подумал — и они умерли. Все тридцать. За секунды. Пустота. И эта пустота испугала меня сильнее, чем тела на брусчатке.

Раньше я не позволял себе такого. Раньше я никогда не убивал людей и даже гримов Талдарина — я не уничтожал с такой холодной простотой. А сейчас — просто захотел, и мое желание обрело когти.

Что со мной происходит?

Никогда больше. Никогда — так.

Зиора появилась первой. Она шла ко мне через ворота быстрым уверенным шагом, обходя тела, не глядя на них, как обходят лужи после дождя. Но когда подошла вплотную, она не посмотрела на побоище вокруг — она посмотрела на меня. В упор, внимательно, как смотрят на человека, который только что получил рану и еще не заметил этого.

— Ты в порядке? — спросила она тихо, и в ее голосе не было вопроса о теле. Она спрашивала о другом.

— Нужно убрать, — сказал я вместо ответа.

Ее глаза задержались на моем лице еще на секунду — она искала что-то, и я не был уверен, нашла ли. Потом кивнула, подняла руку, развернула ладонь и резко провела вниз, будто разрезая воздух. В двадцати метрах от нее вспыхнула белая светящаяся полоса, расширилась и превратилась в арку. Из нее один за другим вышли стражи дворца — молча, быстро, методично. Они начали уносить тела.

— Одного охотника хватило бы, а ты призвал двух, да еще и рыцаря мщения. Зачем?

Я посмотрел на нее с легким недоумением.

— Так вот как он называется... Я не думал. Просто хотелось закончить все быстро.

Она не улыбнулась.

— Осторожнее с такими желаниями. Этой силы хватило бы стереть не один город. — Она помолчала и добавила тише: — А тебя потом может не хватить на то, чтобы жить с этим.

Один из стражей подошел к джипу, забрал останки, другой втолкнул джип в портал, как детскую коляску.

Я повернулся к зданию.

— Преподаватели, наверное, где-то внутри.

Мы заглядывали во все кабинеты, мне попался кабинет директора. Он сидел за столом. А его голова лежала на столе перед ним. Рыцарь мщения добрался до него сквозь стены — его меч не знал преград. Только виновных...

— Директора больше нет, — закончил я.

Зиора посмотрела на меня внимательно, но ничего не спросила. Отправила стражей внутрь — убрать это.

— Там еще в коридорах... — Я не закончил.

Зиора мотнула головой стражам, и часть из них двинулись по этажам, где раньше прошел я.

Рэйчел подошла, когда огромные фигуры с рогами уже заканчивали уборку.

Мы поднялись на второй этаж и наконец нашли запертый кабинет. Я ударил в дверь ладонью — она распахнулась, замок вывалился на пол со звоном.

В комнате сидели связанные преподаватели с завязанными глазами. Шестеро — четыре женщины и двое мужчин. Мы с Рэйчел бросились развязывать им глаза и руки.

Первое, что спросила завуч по математике, едва повязка упала с ее глаз:

— Дети! Где дети?! Что с ними?!

— В безопасности, — сказал я. — Все двадцать три. Они в актовом зале, целые и невредимые.

Завуч замерла.

— Двадцать три? — переспросила она. — Должно быть двадцать четыре. Где Лили Картер?

Одна из воспитательниц всхлипнула и закрыла лицо руками.

— Лили в безопасности, — сказал я. — Мы забрали ее раньше. Она была первой, кого директор пытался продать. С ней все хорошо, она ждет вас.

Завуч закрыла глаза и медленно выдохнула. Молодой учитель привалился к стене и выдохнул — длинно, с дрожью, как человек, который только что понял, что жив.

— А эти? — завуч вцепилась мне в рукав. — Которые нас связали? Мы слышали стрельбу, крики... Господи, что там происходило?

Ее пальцы сжали ткань моего рукава, и я поймал себя на том, что рука дернулась — чуть не отшатнулся от обычной перепуганной женщины. Пустота внутри никуда не делась, она просто затихла.

— Я вызвал помощь, — сказал я ровно. — Бандитов забрали, директора тоже. Полиция здесь ничего не найдет — так было нужно, чтобы вас не затаскали по допросам и не разлучили с детьми.

Завуч посмотрела на меня — недоверчиво, но без страха. Она пыталась уложить услышанное в картину мира, где существуют богатые люди с ресурсами и связями, которые решают проблемы по-своему.

— Это тот самый Люк, — хрипло сказала Рэйчел, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Тот, чьи деньги я сюда переводила. Пятнадцать тысяч каждый месяц, три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.